II Гв
6.

ОТ
МОР ЙСКОЙ АКАДЕМИИ
Шкаф 64
Полка 1
№ 5940.

27700
Д-15

МАТРОССКІЕ ДОСУГИ.

сочиненіе

В. И. Даля.

1882 г.
Проверено 1947 г.

ИЗДАНО
ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,
Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

(Изданіе второе).

ЧАСТЬ I.

Библіотека Николаевской Морской Академіи

САНКТПЕТЕРБУГЪ.
Въ Типографіи Морскаго Министерства.
1859.

II Г69

ВМА

1951

55

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1882 Г.

Стран.

Вселенная 1
Пословицы. 9
Петербургъ 9
Первый корабль 14
Первый походъ. 16
Первое сраженіе на Балтійскомъ морѣ. 19
Первая побѣда на Балтійскомъ морѣ. 23
Нельсонъ 35
Царь-Адмиралъ. 43
Переправа. 44
Пожеланіе врага 46
Правосудіе 48
Крушеніе большаго конвоя судовъ 49
Наука 55
Гибель Англійскаго корабля Центавръ 63
Холмогорскіе горшки 64

Стран.

Оплошность 63
Твердость духа 65
Корабль Король Георгъ 67
Крушеніе корабля Фанни 69
Офицерскія жены 76
Оладьи 77
Пословица 78
Чесменское сраженіе 83
Пашинскій судъ 101
Кругъ 101
Бѣдствіе корабля Наслѣдникъ-Александръ . . . 104
Пѣсня 109
Матка 110

1882 г.

ВСЕЛЕННАЯ.

Чудны дѣла Твои, Господи! Дивно устроены міры Твои; незримою рукою разсыпалъ и пустилъ Ты вселенную Свою по безмѣрному пространству — и она устроилась по волѣ Твоей, и безчисленные міры Твои движутся, словно по заведеннымъ часамъ, отъ вѣка и до вѣка.

Дивно создалъ Ты человѣка, по образу и подобію Твоему, и дозволилъ ему умомъ и книжнымъ ученьемъ доходить до премудрости: Ты дозволилъ ему познать законъ и порядокъ сотворенія Твоего; познать, что-такое вселенная: солнце, звѣзды, луна, земля; дозволилъ познать ему, какими путями которое изъ тѣлъ небесныхъ течетъ, какъ велики они въ объемѣ и въ какомъ другъ отъ друга разстояніи.

Все это позналъ человѣкъ, Господу соизволяющу, разными хитро устроенными снарядами, долгомѣрными подзорными трубами, прилежнымъ ученьемъ и наблюденіемъ, — а также вычислилъ цыфирными выкладками и повѣрилъ послѣ выкладки эти на дѣлѣ.

Если я, напримѣръ, по скорости хода корабля, по направленію хода или курсу, да по времени, сколько онъ лежалъ курсомъ этимъ, — если я вычислю, что онъ къ такому-то часу придетъ на такое-то мѣсто, — и если на дѣлѣ такъ выйдетъ, то стало быть выкладка моя вѣрна; я повѣрилъ ее на дѣлѣ, и вижу, что я не ошибся, что дошелъ умомъ своимъ до дѣла. А если я такими же выкладками найду, гдѣ и въ какую пору надо стоять такой-то звѣздѣ, и если она въ урочный часъ станетъ тамъ, — то выкладка моя вѣрна, и ходъ звѣзды этой сталъ мнѣ извѣстенъ.

Солнце, которое свѣтитъ намъ и грѣетъ и живитъ насъ, безъ котораго не было бы ни тепла, ни свѣта — солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, посреди вселенной, а земля и прочія планеты катятся вокругъ, на просторныхъ, раздольныхъ кругахъ. Взгляни на яблоню, когда яблоки на ней поспѣваютъ: одно, посединѣ, пусть будетъ солнце, а прочія, вокругъ, земля

и другія планеты; но всѣ онѣ бѣгутъ на кругахъ, словно въ запуски, катятся, ровно ядро по землѣ, то-есть, ворочаются черезъ себя, и въ тоже время подаются впередъ. Ядро или бомба, пущенная по воздуху, летитъ также покатомъ: сама вертится, впередъ летитъ.

Какіяжъ это другія планеты, кромѣ земли, какіе есть у нея товарищи на вѣковѣчномъ пути вокругъ солнца. — А взгляните на звѣздное небо: звѣзда мерцаетъ, словно глядитъ и щурится, играетъ огнями; а промежъ звѣздъ увидѣте вы тутъ либо тамъ яркую, свѣтлую звѣзду другаго разбора: она не мельтешитъ, не мерцаетъ, не горитъ огнемъ, а свѣтитъ ровно и спокойно, какъ наша луна. Вотъ это одна изъ планетъ.

Большихъ планетъ, видимыхъ глазами безъ трубы, — когда стоятъ онѣ выше земли, въ нашей половинѣ неба, — планетъ этихъ, считая также землю, всего семь; но три изъ нихъ такъ удалены отъ насъ, что едва только видны бываютъ, какъ самыя малыя звѣзды. Считая отъ солнца, планеты идутъ въ такомъ порядкѣ:

Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Ураиъ.

Кромѣ ихъ, есть еще съ десятокъ малыхъ

планетъ, видимыхъ только въ большія подзорныя трубы. Всѣ онѣ ходятъ вкругъ солнца, разными кругами: Меркурій всѣхъ ближе къ солнцу, малымъ кругомъ, а Уранъ всѣхъ дальше, самымъ большимъ. Звѣзда, которую называютъ по̀просту зо̀рницой, также утренней и вечерней звѣздой, — это Венера; кромѣ того не рѣдко можно видѣть Юпитера, который походитъ на самую большую и свѣтлую звѣзду, только не мерцаетъ.

Ближайшая къ солнцу планета, Меркурій, удалена отъ него на 60 милліоновъ верстъ; дальнѣйшая, Уранъ, на 2800 милліоновъ верстъ. Земля удалена отъ солнца на 150 милліоновъ верстъ.

Поговоримъ теперь о Землѣ нашей. Говорится, солнце течетъ вокругъ Земли, солнце восходитъ и заходитъ — а на дѣлѣ Земля наша бѣжитъ вкругъ солнца, ворочаясь сама черезъ себя — и отъ этого бываетъ день и ночь, зима и лѣто и счетъ годами. Какъ Земля сама на себя оборотилась — такъ и сутки прочь; который бокъ Земли смотритъ на солнце, на томъ боку день; а который смотритъ прочь отъ солнца, тамъ потемки, ночь. На окраинахъ, промежъ дня и ночи, промежъ свѣта и потемокъ, сумерки: по одному краю заря утренняя, по

другому вечериия; тамъ восходитъ солнце, тутъ заходитъ. По самой срединѣ между восходомъ и закатомъ, на тоій полосѣ Земли, которая стоитъ прямо по отвѣсу противъ солнца — будетъ полдень; а по другую сторону шара земнаго, супротивъ полудня, будетъ полночь.

Изъ этого видно, что утро и вечеръ, полдень и полночь, по мѣрѣ того, какъ земля катится, обходитъ кругомъ всю Землю и что поочередно для всѣхъ жителей земныхъ бываетъ ночь и день. Изъ того же видно что для всякаго мѣста бываетъ своій полдень и полночь; и стало быть у всякаго мѣста свои часы. Петербургскій часъ на Московскій не приходится; коли поставишь въ Питерѣ часы по солнцу и пріѣдешь съ ними въ Москву, то они будутъ не вѣрны: ставь ихъ по Московскому солнышку. Что дальше на востокъ, то солнце раньше восходитъ, раньше приходитъ на полдень, раньше заходитъ; а именно, на каждыя 1500 верстъ къ востоку люди живутъ часомъ впередъ. Расчитать это немудрено, если знать, что поперечникъ Земли 12 тысячъ верстъ, а окружность ея 36 т. верстъ; коли она въ 24 часа оборачивается вся черезъ себя, то на каждый часъ времени приходится изъ окружности Земли по 1500 верстъ.

Въ 365 сутокъ Земля обѣгаетъ вокругъ солнца и это мы называемъ годомъ. Замѣтимъ, что Земля обходитъ солнце, по указанному ей Создателемъ пути, не ровно въ 365 дней, а еще въ 6 часовъ: эти-то 6 часовъ въ четыре года составляютъ сутки и вотъ почему у насъ каждый четвертый годъ бываетъ високосный: для вѣрнаго счета, мы прибавляемъ одинъ накопившійся день.

Земля летаетъ вкругъ солнца скорѣе всякой птицы перелетной, да и безъ всякаго сравненія скорѣе, чѣмъ ядро, пущенное изъ пушки: ядро пролетаетъ въ одну секунду не болѣе полуверсты, а земля — страшно вымолвить — 21 версту въ секунду!

Отчего бываютъ на Землѣ четыре времени года — это растолковать на словахъ не совсѣмъ легко. Если проткнуть шаръ, напримѣръ арбузъ или яблокъ, спицей, и катить его ровно колесо, то сравнивъ его съ Землей, можно сказать, что самая средняя полоса шара, по которому онъ катится, называется Экваторомъ или кругомъ равноденствія; а двѣ точки, гдѣ вышла спица, полюсами. Еслибы за тѣмъ Земля вертѣлась вокругъ солнца такъ, чтобы ось Земли стояла по одному отвѣсу съ осью солнца, то по полосѣ Экватора было бы всегдашнее

лѣто, а по обѣ стороны ея всегдашняя зима, потому что подъ прямымъ лучемъ солнца бываетъ жарко, а подъ пологимъ холодиѣе; такъ и въ полдень бываетъ жаръ, а утромъ и вечеромъ прохладиѣе. Но ось Земли, вкругъ которой она вертится, наклонилась противъ [illegible] солнца; по этому зима и лѣто переходчивы. Однако все таки по близости Экватора жарко, туда лучи солнца падаютъ прямѣе, отвѣсно, а у полюсовъ холодиѣе: что ближе къ нимъ, то лучи солнца ложатся отложе, болѣе вкось и вскользь.

Скажемъ слово о Лунѣ: она спутникъ, провожатый нашъ; она такоїже шаръ, какъ и Земля наша, только въ 13 разъ поменьше. Она катится вкругъ Земли, какъ Земля вкругъ солнца; но есть малая разница: Земля летитъ впередъ покатомъ и потому сама оборачиваясь вкругъ оси своей поворачиваетъ къ солнцу посмѣнно все лицо свое, всѣ стороны; а Луна бѣжитъ такъ, что показываетъ Землѣ всегда одну и туже, сторону, одно лицо. Это тоже, что привязать ядро или яблоко на веревку и пустить его вкругъ головы.

Теперь перейдемъ опять къ небесамъ, ко вселенной.

Мы сказали, что знаемъ, о Солнцѣ, о Зем-

лѣ съ Луной и о прочихъ планетахъ; а о звѣздахъ не говорили. Звѣзды, которыя свѣтятся яркими искрами, играютъ алмазами, — звѣзды эти такіяжъ солнца, какъ и наше родимое солнышко; да, каждая изъ видимыхъ нами звѣздъ солнце, и вокругъ каждаго изъ нихъ, надо думать, обращаются такіежъ міры, какъ и вокругъ нашего солнца. Ихъ невидать, конечно, и это одна догадка; но догадка вѣрная. Коли есть ясное солнышко, которое въ безмѣрномъ растояніи кажется намъ звѣздой, то оно для кого нибудь да свѣтитъ; стало быть есть у него и свои міры.

Вотъ какая безмѣрная даль отъ насъ до этихъ отдаленныхъ солнышекъ: онѣ видны намъ только ночью, когда все вокругъ темно, да и тогда только что мелькаютъ звѣздочками!

Такъ хитро и мудро, уму нашему непостижимо, устроена вселенная: Солнце наше съ Землею и съ другими планетами или мірами, и другія солнца со своими планетами — все это плаваетъ на вѣсу, по широкому, глубокому, далекому простору, которому нѣтъ конца!

Благоговѣемъ передъ премудростію и не постижимымъ для насъ величіемъ всемогущаго Творца — и въ ничтожествѣ своемъ съ молитвой къ Нему умолкнемъ!

ПОСЛОВИЦЫ.

1. Кто на-морѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался.

2. Дума за морями, а смерть за плечами.

3. За-моремъ телушка полушка, да рубль перевозу.

4. Иди въ море на недѣлю, а хлѣба бери на годъ.

5. Дальше моря — меньше горя.

6. Съ моря жди горя, а отъ воды бѣды.

7. Отдумать старику ѣхать за рѣку: погода велика — утопитъ старика.

8. На водѣ ноги жидки.

9. Хвали море, а сиди на берегу.

10. Видючи непогодь — не пошто въ море.

11. Сиди у-моря, да жди погоды.

12. Солдатъ въ полѣ умираетъ, матросъ въ морѣ, мужикъ въ ямѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

До Государя Петра Великаго Русь была царство материковое и примыкало къ морю только на самомъ Сѣверѣ, въ Архангельскѣ. Ни

Балтійскихъ земель, ни Черноморскихъ у насъ не было; первыя стояли за Шведами, вторыя за Турками.

Море раздѣляетъ Государства, море ихъ и связываетъ: гужемъ нѣтъ ни дешеваго и удобнаго проѣзда, ни провозу товаровъ и торговли. Широкій и далекій материкъ отдѣлялъ Русь отъ всѣхъ Государствъ; нельзя было иначе попасть въ одно, какъ проѣхавъ нѣсколько другихъ, а потому мы были всегда связаны, ровно въ осадѣ, и въ зависимости отъ другихъ: они могли пропускать и не пропускать къ намъ и отъ насъ товары и путниковъ и могли накладывать какую хотѣли пошлину; мы сидѣли ровно въ мѣшкѣ.

Вотъ какъ важно море и флотъ!

На то время, какъ нарочно, Шведы сами задѣвали насъ и считая себя посильнѣе, хотѣли войны. И точно, тяжело было Петру бороться съ ними: флоту до него не было ни щепки, а воины наши были плохи, тоже что нынѣ Турецкіе или Персидскіе: храбрости довольно, да ни порядку, ни умѣнья, а говорится: умѣнье дороже богатырства. Такъ-то Царю надо было въ то время и самому учиться, и другихъ учить, и новое войско строить, и флотъ создавать, и во все время воевать.

Но силенъ и великъ былъ Царь этотъ духомъ и шелъ онъ своимъ путемъ, ничѣмъ не смущаясь, и говорилъ: непріятель мой будетъ мнѣ другъ, хоть и не вдругъ,—а сперва надо его побѣдить. Петръ Великій положилъ: не мириться со Шведами, доколѣ не отдадутъ ему балтійскихъ земель и моря. Тутъ стану я твердо пятой, говорилъ Онъ; тутъ заложу новую столицу, на землѣ завоеванной, и примкну ею ко всѣмъ прочимъ Государствамъ. Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ.

Край, гдѣ теперь лежитъ Петербургъ, назывался тогда Ингрія, Ингерманландія. Главная крѣпость его была на острову, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, Нотебургъ, названная потомъ нами, Шлиссельбургъ. Шведы разбили насъ подъ Нарвой и готовились къ сильному нападенію, какъ Петръ вдругъ явился съ войскомъ въ 1702 году въ исходѣ Сентября, подъ этою крѣпостію, которая встрѣтила его пальбою изъ 140 орудій. Начальствовалъ у насъ Шереметьевъ, а Царь принялъ званіе капитана бомбардирской роты Преображенскаго полка и исправлялъ должность эту на дѣлѣ.

Войско наше дошло лѣвымъ берегомъ, а 50 судовъ, которымъ нельзя было пройти мимо крѣпости, перетащены были переволо-

комъ, по просѣкѣ, изъ Ладожскаго озера въ Неву; онѣ переправились ниже крѣпости на правый берегъ и перевезли туда орудія и войско. Стали сильно обстрѣливать крѣпость съ обоихъ береговъ; Царь былъ день и ночь на своей батареѣ, управлялъ, училъ, наводилъ орудія и стрѣлялъ своими руками. Въ 10 дней сдѣлали три пролома; охотниковъ перевезли въ лодкахъ на островъ къ крѣпости и они пошли на приступъ; Шведы отбили ихъ;—на помощь послано еще два гвардейскихъ полка, съ лѣстницами—но лѣстницы были не въ мѣру коротки и Шведы били нашихъ, которые лѣзли очертя голову. Видя это, Государь послалъ съ берегу приказаніе чрезъ Поручика отъ бомбардиръ, Меншикова, не лучше ли отступить; но князь Голицынъ, начальникъ приступа, видя что непріятель много потерялъ и слабѣетъ, отдалъ громко приказаніе, чтобъ лодки отвалили отъ острова, сказавъ: либо всѣ ляжемъ здѣсь, либо русское знамя поставимъ! а посланному отъ Государя отвѣчалъ: «Скажи Государю, что я теперь принадлежу одному Богу.»

13 часовъ длился этотъ приступъ—и крѣпость сдалась 11-го Октября. Гарнизону въ ней было всего 400 человѣкъ, изъ которыхъ не болѣе 250 уцѣлѣло, и изъ нихъ было 150 ра-

неныхъ. У насъ было 25 Офицеровъ и до 480 солдатъ убитыхъ, да 900 солдатъ и 21 Офицеръ раненыхъ. Вотъ какъ Шведы обороняlись, что на каждаго изъ нихъ пришлось больше чѣмъ по одному убитому и по два раненыхъ съ нашей стороны! Въ занятой нами крѣпости было 138 орудій.

На другой годъ (1703) войска наши подъ предводительствомъ самаго Царя осадили, 26-го Апрѣля, другую Шведскую крѣпость Невскій Шанецъ, или Ніеншанцъ, находившуюся на мѣстѣ теперешняго Охтенскаго Адмиралтейства, и 1-го Мая завладѣли сю и 78 пушками. Только что мы заняли крѣпость эту, какъ Шведская эскадра подъ командою Вице-Адмирала Нумберса, подошла къ устью Невы, 2-го Мая, и сдѣлала два сигнальные выстрѣла. Шереметевъ приказалъ отвѣчать тѣмъ же и на эскадрѣ полагали, что все благополучно; она бросила якорь и одна шнява и больной ботъ съ припасами и снарядами, для крѣпости, вошли въ Неву. Ночь ихъ захватила и они остановились у Васильевскаго острова; а Царь и Поручикъ отъ бомбардиръ Меншиковъ, прошедши на 30 лодкахъ Фонтанкой, въ темную, дождливую ночь, тихо подошли къ судамъ этимъ и бросились на абордажъ. Ихъ встрѣтили пушечной и ружейной пальбой—но

1882 Г.

уже поздно; оба военныя судна были взяты. Одно было о 10-ти, а другое о 14-ти пушкахъ; изъ 77-ми человѣкъ экипажа, въ живыхъ осталось только 19. Въ самомъ абордажѣ участвовали у насъ только 8 лодокъ. Шведская эскадра удалилась; Нева и Ладога остались за нами; 16-го Мая 1703 года Государь положилъ основаніе новой столицѣ своей, Петербургу, заложивъ нынѣшнюю крѣпость, во имя Св. Петра и Павла. За побѣду эту и въ особенности за личную храбрость при взятіи двухъ непріятельскихъ судовъ абордажемъ, Царь принялъ поднесенный ему орденъ Св. Андрея Первозваннаго и былъ въ это время четвертымъ кавалеромъ въ Государствѣ своемъ. Бомбардирскій Поручикъ Меншиковъ также награжденъ былъ орденомъ Св. Андрея за этотъ подвигъ; офицеры же и солдаты, участвовавшіе въ побѣдѣ, получили медали съ изображеніемъ Петра и съ надписью: *Небывалое бываетъ.*

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ.

Въ 1697 году Царь Петръ Великій, находясь въ Голландіи для личнаго изученія корабельна-

го мастерства, заложилъ своими руками и строилъ съ помощію взятыхъ имъ съ собою изъ Россіи дворянъ и Голландскихъ плотниковъ, 60-ти пушечный корабль, длиною во 100 футовъ, во имя *Петра и Павла*. Онъ былъ спущенъ, вооруженъ, оснащенъ и отправленъ въ Архангельскъ —тогда еще у насъ Балтійскаго поморья не было, оно было Шведское—и этотъ корабль, къ которому Царь ходилъ на работу съ топоромъ за-поясомъ, былъ первый русскій военный линѣйный корабль.

Но первые корабли русской постройки сдѣланы были въ Воронежѣ, на верфи, основанной въ 1694 году; въ 1696 первая Донская флотилія, спущенная на воду, состояла изъ 2 военныхъ кораблей, 25 галеръ, 2 галеасовъ и 4 брандеровъ, и изъ Воронежа прошла Дономъ въ Азовское море. 40-ка пушечный фрегатъ *Ласточка* въ 1699 году былъ первымъ нашимъ военнымъ судномъ на Черномъ морѣ; онъ отвезъ Русскаго посла, Думнаго Дьяка Емельяна Украинцова, въ Царь-Градъ и нечаяннымъ появленіемъ своимъ тамъ перепугалъ Турокъ и надѣлалъ много тревоги.

Послѣ Воронежа, верфь заложена была въ Брянскѣ, потомъ, для Каспійскаго флота, въ Нижнемъ; затѣмъ, послѣ завоеванія Невы и осно-

вапія сѣверной столицы, Петръ Великій въ 1704 году началъ тамъ строить суда; а въ тоже время корабли строились въ Архангельскѣ и покупались у Англичанъ и Голландцевъ.

Такимъ образомъ прозорливый Царь въ нѣсколько лѣтъ создалъ гребной и парусный флоты на всѣхъ сопредѣльныхъ намъ моряхъ, видя, что безъ этого пособія не быть у насъ свободной торговли, ни даже крѣпости Государству. Только съ этого времени Россія стала выходить изъ подъ зависимости Швеціи и Турціи, а вскорѣ сдѣлалась и побѣдительницей надъ ними.

ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ.

Двунадесятые годы у насъ будто роковые; 1612-й памятенъ освобожденіемъ Москвы отъ сильныхъ въ то время Ляховъ съ Литвою; 1812-й помнимъ мы всѣ сами, это Французскій или Наполеоновскій годъ; а въ 1712 году Государь Петръ Великій выслалъ впервые созданный имъ корабельный флотъ Русскій на Балтійское море, противъ непріятеля.

У насъ было уже построено и спущено въ Кро-

штатѣ, Петербургѣ и Архангельскѣ нѣсколько кораблей и фрегатовъ, другіе куплены въ Англіи, Голландіи; стояла война со Шведэмъ—но еще молоды были морскія силы наши; ни искусныхъ командировъ и офицеровъ, ни опытныхъ экипажей; надо учиться, говаривалъ Государь; пусть насъ побьютъ, выучимся бить другихъ.

Доселѣ флотъ оберегалъ только наши берега; лѣтомъ 1712 года, когда Государь былъ въ Даніи, замышляя высадку на островъ Ругенъ и склоняя Датчанъ къ себѣ на помощь, первый Вице-Адмиралъ нашъ, Крюйсъ, стоялъ у Кронштата съ эскадрой. Въ ней было 3 корабля, 2 фрегата, 2 шнявы, 1 бомбарда, 6 бригантинъ и 12 скампавей или галеръ.

У Толбухина маяка показались два непріятельскіе корабля и одна шнява. Крюйсъ снялся съ якоря и пошелъ на встрѣчу, но за ночью, миляхъ въ трехъ отъ непріятеля, опять бросилъ якорь. Тутъ получена вѣсть, что у Сойкиной горы показалось еще десять Шведскихъ судовъ.

На разсвѣтѣ 24-го числа вчерашнія три непріятельскія судна стали сами приближаться къ намъ съ попутнымъ вѣтромъ; Крюйсъ послалъ къ нимъ на встрѣчу 2 корабля и 1 шняву, а потомъ и самъ снялся; Шведы привели къ вѣтру и по-

шли въ море. Вѣтеръ сталъ затихать; въ помощь погонѣ нашей посланы 4 бригантины, а когда заштилѣло, то приказано галерамъ взять всѣ парусныя суда на буксиръ. Въ полдень вѣтеръ засвѣжѣлъ, бросили буксиры, но эскадра наша, не смотря на все стараніе свое, стала отставать отъ непріятеля. Не видя пользы въ погодѣ, Адмиралъ поднялъ бѣлый флагъ: прекратить погоню. Непріятель былъ въ полуторѣ миляхъ за косою, а наша эскадра по сю сторону и притомъ очень растянулась.

Увидѣвъ это, Шведы опять спустились,—вѣроятно желая лучше высмотрѣть нашу эскадру и надѣясь на ходкость своихъ кораблей. Они привели къ вѣтру въ полумилѣ отъ нашихъ передовыхъ. Адмиралъ поднялъ опять красный флагъ—знакъ погони—но непріятель сталъ уходить; вечеръ наступилъ и вѣтеръ все свѣжѣлъ; Адмиралъ бросилъ якорь.

На другой и третій день Шведская эскадра была еще въ виду; но при очень свѣжемъ, противномъ вѣтрѣ, Адмиралъ, съ неопытными моряками своими, не рѣшался покинуть Кронштата. Тѣмъ первая попытка наша кончилась.

ПЕРВОЕ СРАЖЕНІЕ НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

Царь былъ недоволенъ этимъ первымъ [illegible] ходомъ противъ непріятеля и приказалъ [illegible] су въ другой разъ устроивать погоню такъ чтобы догонять непріятеля.

Въ 1713 году Царь намѣрился завоевать Финляндію. Онъ писалъ объ этомъ: «Ни чѣмъ такъ Шведовъ къ резону и къ склонности къ миру не приведемъ, какъ Финляндіею, откуда всѣ они довольствуются». Въ прошломъ же (1712) году Онъ писалъ Апраксину: «Когда Финляндію взять, то Шведская шея мягче гнуться станетъ».

Съ весны Государь отправился на 200 гребныхъ судахъ съ 16 тысячами войска въ Гельсингфорсъ, а Самъ воротился въ Кронштатъ, для высылки парусной эскадры въ море. Она, подъ командою Вице-Адмирала Крюйса, состояла уже изъ 8 кораблей и 8 мелкихъ парусныхъ судовъ, и Государь былъ при эскадрѣ этой Шаутбенахтомъ, то есть Контръ-Адмираломъ, подъ именемъ *Петра Михайлова*. Въ Ревелѣ стояли еще 4 корабля и 1 фрегатъ, купленные въ Англіи. Только въ этомъ, 1713 году, флотъ нашъ сходилъ въ первый разъ отъ Кронштата

до Ревеля. Государь далъ объ этомъ такое приказаніе:

«Флоту итти къ Ревелю, держа впереди три мелкихъ судна, для развѣдокъ. Если встрѣтить непріятеля не по силамъ, то отступить; а коли по силамъ, то гнать, а въ Ревель послать, чтобы тамошніе корабли скорѣе выходили».

Контръ-Адмиралъ *Петръ Михайловъ* хотѣлъ самъ быть въ походѣ этомъ, но Вице-Адмиралъ Крюйсъ сильно убѣждалъ его поберечь себя и остаться тамъ, гдѣ Онъ былъ нужнѣе. Царь хотя очень огорчился этимъ, но какъ добровольный подчиненный, повиновался. Таковъ былъ Государь этотъ всегда; если принималъ на себя какую должность, не исключая и самой низшей, то строго исполнялъ все, что относилось до воинскаго послушанія.

9-го Іюля эскадра вступила подъ паруса; впереди шли четыре крейсера, а прочія суда, по малому опыту въ морскомъ дѣлѣ, еще не могли держаться въ линіи. Адмиралъ наказывалъ много разъ всѣмъ командирамъ: «пороху напрасно не тратить, а сойдясь бортъ о бортъ, дать залпъ всѣмъ лагомъ, закрыть нижніе порты и свалиться безъ церемоніи на абордажъ».

При тихомъ, попутномъ вѣтрѣ, крейсеры наши извѣстили въ полдень на слѣдующій день, что

впереди три непріятельскія судна. Погнались; вечеромъ миновали Гогландъ; ночью вѣтеръ стихъ, нѣкоторыя суда стали буксироваться, другія отставали; къ утру опять вѣтеръ засвѣжѣлъ и стали догонять непріятеля у Гельсингфорса. Адмиралъ поднялъ красный флагъ, знакъ погони; часу въ пятомъ передовые корабли наши: Антоній, Полтава и Выборгъ, уже перестрѣливались, готовясь къ абордажу.

Въ это время Шведы вдругъ привели къ вѣтру, будто и сами готовы встрѣтить насъ; но они сдѣлали это обходя подводный камень, а обошедши его опять спустились.

Намъ мѣста эти еще не были коротко знакомы; вѣрныхъ картъ въ то время также не было и корабль Выборгъ, настигая непріятеля прямымъ путемъ, сѣлъ на подводный камень. Вплоть за нимъ шелъ корабль Рига, адмиральскій, и также приткнулся къ мели; на бѣду непріятельское ядро въ это самое время пробило на Ригѣ крюйтъ-камеру: пороховая пыль поднялась столбомъ, а ее сочли дымомъ и закричали: пожаръ! Пошла суматоха; красный флагъ спустили: въ то время не умѣли еще разговаривать сигналами, какъ теперь; Адмиралъ полагалъ, что начальство надъ эскадрой, какъ само собой разумѣется, приметъ старшій

по немъ; а тотъ, незная этого, ожидалъ приказанія. Прочіе корабли, видя бѣдствіе передовыхъ и опасаясь незнаемыхъ ими подводныхъ камней, стали приводить къ вѣтру, недоходя до этого мѣста, и становились на якорь. Они оправдывались тѣмъ, что красный флагъ погони былъ у Адмирала спущенъ.

Часа черезъ два кор. Рига стянулся съ мели и Адмиралъ самъ отправился для распоряженій на Выборгъ. Созвали на совѣтъ командировъ: никакими силами не могли стащить бѣдствующаго корабля, который къ вечеру даже переломился отъ перевѣсу, — такъ онъ врѣзался на каменную гряду: а потому свезли что было можно и зажгли его.

Шведская эскадра, соединившись со флотомъ своимъ — всего 9 кораблей, 3 фрегата, 1 шнява — на радостяхъ открыла общую пальбу, но оставалась въ дальнемъ отъ насъ растояніи, не рѣшаясь напасть.

Мы ушли въ Ревель, а Шведы въ Гельсинфорсъ; по слабости и неопытности своей, кажется что мы ихъ боялись, а они насъ. И сбылась пословица, что изломаннаго лука двое боятся! Затѣмъ вся эскадра наша и съ покупными въ Англіи кораблями, пришла въ Кронштатъ; а Шведская эскадра была вытѣснена

изъ Гельсинфорса нашими галерами и береговыми батареями и ушла въ Карлскрону.

Финляндія была покорена сухимъ путемъ, но на морѣ владычество осталось еще спорнымъ. Государь былъ очень огорченъ неудачей, и хотя утѣшалъ себя тѣмъ, что-де первую пѣсенку можно и зардѣвшись спѣть, однако отдалъ Адмирала и многихъ другихъ начальниковъ подъ военный судъ, за упущеніе непріятеля; и многіе были разжалованы, отставлены или иначе наказаны.

Какъ быть, сказалъ Контръ-Адмиралъ Петръ Михайловъ: помучимся, такъ научимся.

ПЕРВАЯ ПОБѢДА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

Пришелъ 1714 годъ; въ прошломъ году флотъ нашъ сходилъ *первый* походъ свой, до Ревеля и обратно въ Кронштатъ, и въ первый разъ парусный флотъ нашъ вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ, которое кончилось впрочемъ потерею одного нашего корабля, сѣвшаго на камень и нами же созженнаго; а въ 1714 году Богъ подарилъ Царю *первую* на морѣ побѣду.

Материкъ, соединявшій насъ со Швеціею, былъ весь завоеванъ; но воїна все еще длилась; насъ теперь раздѣляло море; за-море шестомъ не досягнешь—надо было снаряжать флотъ. Съ этого года начинается морская воїна со Шведами и первый успѣхъ необычайно обрадовалъ Царя.

Петръ Великій рѣшилъ сдѣлать высадку на Шведскихъ берегахъ и поискъ, но «въ землю непріятельскую не гораздо въ даль ходить.» Онъ еще опасался, чтобы не потерять своего флота, и приказалъ остерегаться этого и съ сильнѣйшимъ непріятелемъ не связываться. Въ готовомъ для похода флотѣ, въ Кронштатѣ, было: 9 кораблей и 7 меньшихъ судовъ, подъ началомъ Контръ-Адмирала *Петра Михайлова;* въ гребномъ: 99 галеръ, много транспортныхъ судовъ и 16 тысячь сухопутнаго войска, подъ началомъ Генералъ-Адмирала Графа Апраксина.

Галерному флоту назначено итти вдоль береговъ Финляндіи, выгрузить, гдѣ нужно, провіантъ, принять тамъ еще дивизію войска, итти къ Аландскимъ островамъ, а оттуда сдѣлать высадку на берега Швеціи.

Корабельному флоту, проводивъ гребной до шкернаго фарватера, за Выборгъ, итти въ

Ревель; а соединясь тамъ съ 7 кораблями— частію пришедшими изъ Архангельска, а частію купленными еще у Англичанъ—возвратиться, стараясь отыскать на обратномъ пути непріятеля.

1882 Г.

Оба флота вышли 20-го Мая; 31-го галеры вошли въ шхеры, а корабли пошли въ Ревель: гребной флотъ выгрузилъ въ Гельсингфорсѣ провіантъ, отослалъ транспорты обратно, принялъ еще 12 разной величины судовъ и пошелъ далѣе. Въ Поэ-Киркѣ также сдали часть провіанта, приняли пришедшія изъ Або войска и 28-го Іюня гребной флотъ пришелъ въ Тверсминне, на полуостровъ Гангудъ, и здѣсь только узнали, что непріятельскій парусный флотъ, изъ 16 линѣйныхъ кораблей и 2 фрегатовъ у мыса Гангудъ загородилъ намъ дорогу. По одну сторону Гангуда лежитъ Гельсингфорсъ, откуда шла флотилія наша, а по другую Або, куда надо ей было попасть, а Шведы стали поперекъ дороги.

Этотъ полуостровъ, Гангудъ, выдаваясь глубоко въ море, раздѣляетъ шхеры Финляндіи или островитый берегъ ея, на двѣ половины; по приглубости его, онъ очень удобенъ для парусныхъ судовъ, и имъ, стоя тутъ, легко пе-

рѣзать путь судамъ, которыя должны обходить этотъ мысъ.

Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ остановился у перешейка полуострова въ шкерахъ и далъ знать о своемъ положеніи Государю, въ Ревель, предлагая отвлечь непріятеля корабельнымъ флотомъ; «а безъ того, писалъ онъ, Богъ вѣсть можемъ ли пройти къ Абэву, понеже непріятель стоитъ въ голомъ морѣ, гдѣ намъ миновать нельзя».

Государь, пришелъ 11-го Іюня съ корабельнымъ флотомъ въ Ревель, нашелъ тамъ новые 7 кораблей еще не въ порядкѣ. Люди на флотѣ стали сильно болѣть; а между тѣмъ вдругъ 17-го вечеромъ увидѣли Шведскую эскадру. Въ большимъ попыхахъ стали готовиться къ выходу въ море; и тутъ опять все еще боялись другъ друга; Шведы, высмотрѣвъ эскадру нашу, удалились. 27-го получено донесеніе Графа Апраксина, который просилъ Царя отвлечь непріятеля, говоря что Шведы у Гангуда довольно слабы.

Числомъ судовъ, а въ особенности числомъ орудій, Шведы были сильнѣе насъ; но кромѣ того Государь находилъ, что у насъ только два надежныхъ корабля, а прочіе, въ особенности покупные, плохіе ходоки. И потому, если по-

дойти къ непріятелю близко, говорилъ Государь, то въ случаѣ неудачи нельзя будетъ отступить; а если показаться издали, то былъ бы только «смѣхъ непріятелю». Притомъ для незнакомыхъ намъ мѣстъ въ морѣ, не было лоцмановъ. Положено было не выходить въ открытое море, а искать кораблямъ прохода къ галерамъ шхерами; а Царь отправился, этимъ же путемъ, къ галерному флоту, куда и прибылъ 20-го Іюля.

Три недѣли нашъ галерный и непріятельскій корабельный флоты стояли въ одномъ положеніи, у мыса Гангуда. Царь осмотрѣлъ лично положеніе и думалъ поставить на берегу нѣсколько батарей и подъ ихъ прикрытіемъ провести подъ берегомъ свои галеры; но вскорѣ нашелъ и это не удобнымъ. Капитанъ-Командоръ Змаевичъ отыскалъ узкое мѣсто Гангудскаго перешейка, версты въ двѣ; Царь осмотрѣлъ его и тотчасъ рѣшилъ перейти галерами волокомъ. Въ тотъ же день, 24-го Іюля стали готовиться, настилать подмосты, дѣлать катки—и кабы намъ еще нѣсколько дней покою, то не успѣлибъ оглянуться Шведы, какъ сотня галеръ нашихъ очутилась бы въ тылу у нихъ, по ту сторону перешейка;—но чухонскіе рыбаки дали знать непріятелю что у насъ дѣ-

лается и Шведскій Адмиралъ Ватрангъ распорядился такъ:

1 Фрегатъ, 6 галеръ и 3 шхербота послалъ онъ встрѣчу спуска галеръ нашихъ, къ самому переволоку; самъ съ 6-ю кораблями и 2-мя фрегатами остался на прежнемъ мѣстѣ, на мысу, а всю остальную часть эскадры отправилъ къ Тверемине, чтобы отрѣзать выходъ изъ шхеръ нашимъ галерамъ со стороны Гельсингфорса.

Въ самое это время Царь, съ 35-ю галерами, стоялъ за Гангудскимъ мысомъ, высматривая непріятеля, и полагая, что отдѣлившаяся часть эскадры пошла въ Ревель, далъ туда объ этомъ знать; между тѣмъ, видя что постъ у самаго мыса весьма ослабленъ, придумалъ другое: посовѣтовавшись съ Генералъ-Адмираломъ приказалъ Онъ 20-ти галерамъ обойти непріятеля, взявъ мористѣе его, и войти опять въ шхеры по ту сторону полуострова, къ волоку.

26-го Іюля 20 галеръ, подъ началомъ Командора Змаевича и бригадира Волкова, пошли на гребль и благополучно обошли непріятеля; затѣмъ прошли также и остальные 15. Шведскій Адмиралъ безуспѣшно хотѣлъ перерѣзать имъ путь; они проскочили; испугавшись, онъ воротилъ къ себѣ корабли, посланные въ Тверe-

минне, и не зналъ что начать; онъ распустилъ гребной флотъ нашъ, разбросалъ свой, и видѣлъ что быть бѣдѣ.

Однакожъ, что теперь было дѣлать и нашимъ 65-ти галерамъ, отрѣзаннымъ по ту сторону полуострова?—Волокъ былъ открытъ и занятъ непріятелемъ; обойти усиленную эскадру его, у мыса, при засвѣжѣвшемъ вѣтрѣ, для гребнаго флота было слишкомъ трудно; надо бы огребать далеко въ море и легко непріятель могъ бы перехватить галеры; осталось развѣ одно, необыкновенно смѣлое средство: пробиться у берега. На это и рѣшились, сдѣлавшись отъ бывшей оплошности непріятеля посмѣлѣе.

Галеры подошли ночью въ самому мысу и съ зарею пустились въ путь, держась вилоть подъ берегомъ: авангардъ велъ Генералъ Вейде, кордебаталію Генералъ-Адмиралъ, аріергардъ Кн. Голицынъ. Непріятель, ушедши въ прошлую погоню отъ берега, теперь, смѣтивъ поздно въ чемъ дѣло, сталъ подо всѣми парусами опять подходить; но на наше счастье стояло маловѣтріе; только три корабля подоспѣли на выстрѣлъ и если бы одна галера наша не стала на мель, то все дѣло кончилось бы у насъ однимъ раненымъ; но галера эта и съ

нею 232 человѣка команды, были взяты. Прочія галеры наши всѣ благополучно соединились по сю сторону мыса.

Такимъ образомъ смѣлое и едва сбыточное намѣреніе, перетащить сотню галеръ волокомъ, исплошило непріятеля, заставило его раздѣлить силы свои, и дало намъ средство, не смотря на первую неудачу, провести весь гребной флотъ въ Абовскую половину шхеръ.

Теперь перейдемъ къ описанію того, что сбылось послѣ прорыва нашего гребнаго флота.

Первыя прошедшія за мысъ 35 галеръ заперли шведскія суда, отдѣлившіяся для наблюденія за волокомъ, и потребовали сдачи ихъ. Тутъ захвачено было такимъ образомъ 1 фрегатъ, 6 галеръ, 3 шхербота, подъ адмираломъ Эреншильдомъ. Онъ отказалъ и поставивъ фрегатъ посреди шести галеръ, шхерботы позади себя, и выбравъ притомъ мѣсто для этого между тремя камнями, Эреншильдъ ожидалъ нападенія. На фрегатѣ *Слонъ* было 14 двѣнадцати-фунтовыхъ и 4 трехъ-фунтовыхъ пушекъ; на галерахъ 2 тридцатишести-фунтовыхъ, 4 осьмнадцати-фунтовыхъ, 6 шести-фунтовыхъ, и 72 трехъ-фунтовыхъ; на шхерботахъ: 14 трехъ—и одно-фунтовыхъ,—всего 116 орудій и 941 чел. команды.

У насъ было до ста галеръ, на нихъ до 300 орудій—отъ 12 до 3 фунтовыхъ—и до 20,000 человѣкъ. Конечно мы были несоразмѣрно сильнѣе; но надо вспомнить, что едвали половина силъ нашихъ могла вдругъ вступить въ дѣло и употребить орудія свои. Кромѣ того, возвышенность фрегатской батареи противъ галеры, возможность потопить ее немногими выстрѣлами, и главное, неопытность наша въ бою—не дали намъ дешево купить эту побѣду.

Въ два часа 26-го Іюля начался приступъ; съ фронта 11 галеръ, подъ начальствомъ бригадира Лефорта и Капитана Дежимонта; съ праваго фланга 9 галеръ, съ генераломъ Вейде,—онъ же и главный начальникъ; съ лѣваго фланга 9 галеръ, подъ бригадиромъ Волковымъ и Капитаномъ Демьяновымъ; за ними, въ такомъ же порядкѣ, остальные, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала *Петра Михайлова*.

На тѣсномъ мѣстѣ, подъ жестокимъ огнемъ артиллеріи, галеры наши два раза подступали и два раза были отбиваемы; видя это, Царь бросился впередъ и сталъ отчаянно пробиваться со своими галерами на приступъ; тогда передовыя галеры наши кинулись на ура, свалились сперва съ гребными судами, а потомъ и съ фрегатомъ. Когда полѣзли наши на фрегатъ,

то многихъ разорвало пушечными выстрѣлами въ упоръ; одни падали; другіе лѣзли за ними; Шведы не успѣвали заряжать пушекъ и должны были взяться за ручное оружіе. Пошелъ рукопашный бой.

Храбрый Шведскій Адмиралъ Эреншильдъ былъ раненъ въ руку и въ ногу, упалъ въ свалкѣ за бортъ, запутался въ снастяхъ, и взятъ Капитаномъ Бакѣевымъ. Затѣмъ наши одолѣли фрегатъ, перебивъ много команды. Сраженіе длилось два часа.

Счастливый побѣдой, вѣнценосный Контръ-Адмиралъ поцѣловалъ своего знаменитаго плѣнника и самъ заботился о приведеніи его въ чувство. Государь, благодаря сподвижниковъ своихъ, говорилъ имъ, какое славное выиграно дѣло: взяты суда — фрегатъ, шесть галеръ и три шхербота — и взятъ храбрый Адмиралъ, Флагманъ! Первый блинъ, да комомъ, говорилъ радостный Царь: никто въ первую побѣду молодымъ флотомъ своимъ не плѣнялъ Флагмана!

У непріятеля убито 9 офицеровъ и 352 нижнихъ чиновъ; но и мы потеряли много: убитыхъ 124, раненыхъ 342; въ числѣ первыхъ полковникъ и 7 офицеровъ; въ числѣ раненыхъ Бригадиръ Волковъ и 16 офицеровъ.

Эту первую побѣду нашу на морѣ Государь

почтилъ великими почестями; въ то время не было еще введено многихъ знаковъ отличій, которыя нынѣ даются по заслугамъ; но Царь всѣхъ наградилъ медалями, Генералу Вейде пожаловалъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго, и даже Контръ-Адмирала *Петра Михайлова* пожаловалъ въ Вице-Адмиралы. Выбиты также и розданы золотыя и серебряныя медали, съ надписью: *Прилѣжаніе и вѣрность превосходятъ сильно*, и другая медаль съ латинскою надписью: *Первые плоды Россійскаго флота*; повелѣно хранить въ адмиралтействѣ взятыя суда; построена въ С. Петербургѣ, на рѣкѣ Фонтанкѣ, Церковь во имя Святаго этого дня, Св. *Пантелеймона*; и корабль *Пантелеймонъ Викторія*, долго потомъ возобновлявшійся; установлено совершать ежегодно въ день побѣды этой благодарственное молебствіе, и Царь самъ ежегодно его праздновалъ.

Побѣдители съ торжествомъ вступили въ столицу, такимъ порядкомъ: напередъ наши 3 галеры, украшенныя флагами; три плѣнныя шхербота; шесть шведскихъ галеръ; шведскій фрегатъ, съ плѣннымъ Флагманомъ; наша Адмиральская галера, съ Контръ-Адмираломъ *Петромъ Михайловымъ*; двѣ галеры съ войскомъ и Генераломъ Вейде. Берега Невы по-

крыты были народомъ, который цѣлый часъ кричалъ ура; пальба шла съ галеръ нашихъ, изъ крѣпости и со всей набережной. На берегу также устроилось шествіе, съ пушками, плѣнниками и со взятыми знаменами и флагами; Царь былъ въ Адмиральскомъ мундирѣ и проходили чрезъ торжественныя ворота, надъ которыми орелъ держалъ въ когтяхъ слона, съ надписью: *Орелъ не мухъ ловитъ*. Надо приномнить, что плѣнный фрегатъ шведскій именовался *Слономъ*.

Воротившись по окончаніи торжества, на свою галеру, Царь тотчасъ поднялъ вице-адмиральскій флагъ, по новому сану своему: и вновь началась пальба, салюты флагу этому и отвѣты. За тѣмъ былъ обѣдъ у Князя Меншикова, куда Царь привелъ съ собою и плѣннаго Адмирала. За столомъ онъ милостиво бесѣдовалъ съ нимъ и сказалъ:

«Господа! Вы видите здѣсь вѣрнаго и храбраго слугу своего Государя, который заслуживаетъ милость нашу и уваженіе. Прощаю ему, что онъ не мало побилъ моихъ храбрыхъ солдатъ и матросовъ; онъ сдѣлалъ свое дѣло честно».

Адмиралъ Эреншильдъ со слезами отвѣчалъ: «Правда, что я служилъ Государю своему

вѣрно; я не берегъ себя отъ смерти, а миновалъ ее по волѣ Божьей. Одно мнѣ, несчастному, осталось утѣшеніе: что я побѣжденъ и плѣненъ великимъ и славнымъ Адмираломъ».

Испугавшись побѣды нашей и боясь высадки, Шведскій флотъ ушелъ къ своимъ берегамъ, а нашъ вышелъ изъ Ревеля, крейсировалъ съ недѣлю около Гогланда, зашелъ въ Гельсингфорсъ, а потомъ, подъ начальствомъ самаго Царя и съ плѣнными судами, прибылъ въ Сентябрѣ въ Кронштатъ. Галерный флотъ прошелъ шхерами мимо Або, захватилъ въ морѣ нѣсколько призовыхъ судовъ; однимъ словомъ, первая и повидимому не весьма значительная побѣда эта, доставила намъ господство въ этой части моря.

НЕЛЬСОНЪ.

Англійскій Адмиралъ Горацій Нельсонъ, родившійся въ 1758 году 29-го Сентября, какъ славнѣйшій военачальникъ морской, долженъ быть извѣстенъ по слуху всякому человѣку, а тѣмъ болѣе матросу. Нельсонъ обезсмертилъ себя въ особенности двумя побѣдами надъ

Французскимъ и соединенными Французскимъ и Испанскимъ флотами и убитъ въ послѣднемъ дѣлѣ.

Первое изъ сраженій этихъ Абукирское. Въ Маѣ 1798 года Французскій флотъ вышелъ изъ Тулона, для отвоза арміи въ Египетъ, гдѣ хотѣлъ воевать Наполеонъ. Англійскій Адмиралъ Нельсонъ былъ отряженъ съ 14 кораблями, отъ Испанскихъ береговъ, для нападенія на Французовъ. Увидавъ флотъ ихъ на якорѣ подъ Абукиромъ, у береговъ Египетскихъ, гдѣ уже сдѣлана была высадка, Нельсонъ тотчасъ полетѣлъ на него подо всѣми парусами и едва Французскіе командиры, бывшіе въ сборѣ на Адмиральскомъ кораблѣ, успѣли каждый воротиться на свой корабль, какъ уже дѣло загорѣлось.

Французскій флотъ, 13 кораблей и 4 фрегата, стоялъ въ правильной линіи баталіи, примкнувъ къ укрѣпленному батареей островку, къ которому корабли обращены были носомъ. Нельсонъ, съ одною половиною эскадры своей смѣло прорвался между фланговымъ кораблемъ и островомъ, или прорѣзывая линію непріятеля въ интервалахъ и поражая Французовъ страшными продольными выстрѣлами, привелъ къ вѣтру между берегомъ и линіею непріятель-

скаго Флота; въ тоже время другая половина Англійской эскадры привела къ вѣтру съ морской стороны тої же линіи. Такимъ образомъ половина Французской эскадры была охвачена вдругъ съ обоихъ бортовъ, между тѣмъ какъ часть ихъ до времени оставалась почти безъ дѣла, а сама стояла подъ страшными продольными залпами кораблей, проходившихъ по очередно поперегъ ихъ линіи. Ядро, которое не попадало въ первый или второй Французскій корабль, попадало въ третій, пятый или десятый — и разрушеніе было ужасно.

Дѣло началось 1-го Августа 1798 года, въ началѣ 6 часа по полудни при закатѣ солнца. Черезъ три съ половиной часа уже первые пять Французскихъ кораблей были вовсе сбиты и взяты; еще черезъ два часа Французскій Адмиралъ Брюэ, и его 120 пушечный корабль Л'Оріанъ взлетѣлъ на воздухъ. До утра продолжалась еще отчаянная пальба; но Французскіе корабли, поставленные одинъ за другимъ въ два огня, и притомъ съ кормы, гибли въ томъ порядкѣ, какъ стояли. Только два корабля и два фрегата, отрубивъ шпрынги, успѣли бѣжать въ самомъ бѣдственномъ положеніи, кто въ Корфу, кто въ Мальту. Девять кораблей взяты были Англичанами, одинъ — Адмираль-

скій — взорванъ, корабль и фрегатъ сожжены и одинъ фрегатъ пущенъ ко дну!

Чрезъ семь лѣтъ, въ 1805 году, у Наполеона былъ уже опять огромный флотъ. Подъ началомъ Адмирала Вильнева и въ соединеніи съ Испанскимъ, подъ Адмираломъ Гравина, онъ былъ отправленъ въ Западную Индію, гдѣ однакоже едва успѣлъ захватить нѣсколькихъ Англійскихъ купцовъ и военный катеръ, какъ узналъ о приближеніи посланнаго на поискъ за нимъ Нельсона и спѣшилъ возвратиться во Францію. Несчастный Адмиралъ Вильневъ былъ въ жалкомъ положеніи: флотъ конечно былъ великъ, но въ такомъ состояніи, что не могъ тягаться съ Англійскимъ; ветхіе корабли и неопытные экипажи. Наполеонъ упрямо требовалъ отъ своего Адмирала, чтобы онъ сразился съ Англичанами; Вильневу нельзя было принять на себя нареканія трусости и онъ, предвидя конецъ, долженъ былъ вести цѣлый флотъ на гибель. Рока не минуешь.

Поискавъ Французовъ въ Западной Индіи, Нельсонъ также воротился. Между тѣмъ соединенный флотъ, состоявшій тогда изъ 20 кораблей и 5 фрегатовъ встрѣтилъ уже подъ Испанскими берегами Англійскую эскадру Адмирала Кальдера, 15 кораблей, который вступ-

пилъ было въ дѣло съ непріятелемъ, но при внезапно нашедшемъ густомъ туманѣ, успѣлъ только захватить два отставшіе Испанскіе корабля; затѣмъ оба флота, значительно потерпѣвшіе, разлучены были этимъ туманомъ; Французы вошли въ заливъ Корунья, а Англичане отошли въ море.

Нельсонъ, побывавъ съ флотомъ своимъ въ Англіи, опять пошелъ на поискъ и засталъ Французско-Испанскій флотъ въ Испанской гавани Кадиксъ или Кадицъ. Нельсонъ желалъ вызвать его въ море и предполагая, что сильному непріятелю совѣстно будетъ сидѣть въ заперти, самъ отошелъ отъ Кадикса. И точно, адмиралъ Вильневъ, понуждаемый обстоятельствами, вышелъ съ соединеннымъ Испанско-Французскимъ флотомъ и направилъ путь къ Гибралтару, къ проходу въ Средиземное море. На этомъ перепутьѣ настигъ его Нельсонъ 21-го Октября 1805 года, у мыса Трафальгара. Это была пора, когда Наполеонъ ужъ бралъ верхъ надъ цѣлымъ материкомъ; Нельсону оставалось рѣшить, быть ли Наполеону также господиномъ моря.

Тихій вѣтеръ отъ запада едва наполнялъ паруса; двумя длинными и растянутыми колоннами Англійскій флотъ, 27 кораблей, спускался на огромную дугу, въ которой держался подъ

парусами непріятельскій флотъ, всего 33 корабля. «Я не буду доволенъ сегодняшнимъ днемъ, сказалъ Нельсонъ съ увѣренностію, если мы возмемъ менѣе двадцати кораблей». Осмотрѣвъ оба флота и отдавъ приказанія, онъ спустился въ каюту свою, помолился, сдѣлалъ приписку въ духовной и весело вышелъ наверхъ. Оглянувшись кругомъ и видя что еще осталось время, онъ обошелъ палубы, ободрялъ команду и наказывалъ не стрѣлять по пустому, на обумъ, а съ прицѣлу; онъ спокойно пропустилъ мимо себя нѣсколько лучшихъ ходоковъ: объ колонны при тихомъ вѣтрѣ очень растянулись, идучи подо всѣми парусами по $2\frac{1}{2}$ узла.

Адмиралъ поднялъ сигналъ: «Англія ожидаетъ, что всякій исполнитъ долгъ свой». Громкое ура раздалось на всемъ флотѣ. Объ Англійскія колонны прорѣзали поперегъ густую линію непріятелей: передовой корабль подвѣтренной колонны, на которомъ былъ Адмиралъ Коллингвудъ, опередилъ нѣсколько голову навѣтренной колонны и первый открылъ битву страшнымъ залпомъ по вице-адмиральскому кораблю, въ 12 часовъ дня.

Подъ жестокимъ огнемъ трехъ непріятельскихъ кораблей, Викторія — корабль Нельсона — медленно подвигался впередъ и прорѣзавъ ли-

нію вступилъ въ бой съ кораблемъ Главнокомандующаго. Французы сильно тѣснились, непропуская по промежуткамъ Англичанъ: Командиръ Викторіи замѣтилъ, что едвали обойдется безъ свалки: «Не мое дѣло, отвѣчалъ Нельсонъ; выбирайте любой!»

Прорѣзавшись наконецъ и пройдя подъ кормой Буцентавра,—корабля Французскаго Адмирала,—столь близко, что покомъ-рея задѣлъ за снасти, Викторія страшно громилъ его вдоль, но и ему доставалось отъ Французскаго корабля Нептуна, который, находясь съ другой стороны, приспустился, уклоняясь отъ свалки: вслѣдъ за тѣмъ, онъ сошелся съ Французскимъ кораблемъ Редутаблемъ правой стороной, и оба корабля вмѣстѣ пошли по-вѣтру; англійскій корабль Темереръ, также свалился въ Редутаблемъ по другую сторону, а французскій Фуге съ Темереромъ, такъ что нѣкоторое время эти четыре корабля, въ самомъ пылу сраженія, представляли необыкновенное зрѣлище: они находились рядомъ одинъ вдоль другаго, на разныхъ галсахъ и сцѣпившись, продолжали сраженіе, покуда Французскіе корабли не сдались.

Битва, какой другой не бывало, шла въ полномъ разгарѣ. Викторія и Редутабль, свалившись бортъ о бортъ, продолжали стрѣлять изъ

пушекъ—и въ тоже время сыпался бѣглый огонь мелкаго оружія со шканецъ, съ юту, съ баку, съ марсовъ и изъ палубныхъ портовъ. Лѣвымъ бортомъ между тѣмъ Викторія также отстрѣливался отъ двухъ Французскихъ кораблей. Французы съ Редутабля бросились было на абордажъ, но были отбиты.

Прочіе Англійскіе корабли также врѣзывались, гдѣ могли, давали по залпу въ носъ и въ корму непріятеля, приводили къ вѣтру, сцѣплялись, бросались на абордажъ—кому какъ сподручнѣе было.... Черезъ три часа все замолкло; все было кончено. Двадцать кораблей были взяты Англичанами, или истреблены, въ томъ числѣ два стопушечныхъ; Главнокомандующій Вильневъ и два Испанскіе Адмирала, взяты въ плѣнъ; остальные 14 кораблей бѣжали, подъ начальствомъ Испанскаго Адмирала Гравины, который былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ, но десять только пришли домой, а четыре также перехвачены были Англичанами.

Но дорого обошлась побѣда эта и имъ: не говоря о потерѣ людей, о большихъ поврежденіяхъ почти всего флота ихъ, Нельсонъ былъ убитъ! Въ то время, когда Викторія свалился съ Редутаблемъ и Нельсонъ стоялъ на шканцахъ между штурваломъ и сходнымъ трапомъ,

ружейная пуля съ марса Французскаго корабля раздробила ему сверху плечо и прошла наискось грудью до спины. Онъ скончался черезъ нѣсколько часовъ, безпрестанно спрашивая какъ идутъ дѣла, и послѣднія слова его были: «Слава Богу, я исполнилъ свой долгъ.»

Тѣло Нельсона положено было въ бочку спирта или рому и привезено въ Англію; здѣсь похоронили его едва не съ царскими почестями, по завѣщанію его въ Церкви Св. Павла, и при томъ въ долбленомъ гробу или домовинѣ, которымъ еще заживо услужилъ ему одинъ изъ капитановъ, бывшій въ битвѣ Абукирской: домовина эта сдѣлана была изъ мачты корабля непріятельскаго главнокомандующаго, изъ стопушечнаго корабля Оріана, который, какъ мы уже сказали, взлетѣлъ на воздухъ.

ЦАРЬ-АДМИРАЛЪ.

Царь Петръ Великій, отправясь въ 1698 году изъ Голландіи въ Англію, для изученія морскаго искусства, былъ принятъ тамъ Королемъ Вильгельмомъ какъ нельзя лучше, и между прочимъ приглашенъ къ нарочно устроеннымъ для

этого случая морскимъ движеніямъ флота, съ пальбой и примѣрнымъ сраженіемъ. Царю до того это понравилось, что онъ сказалъ: «Не-родись я Царемъ Русскимъ, то желалъ бы быть Англійскимъ Адмираломъ».

ПЕРЕПРАВА.

Отрядъ, посланный изъ Гурьева зимой, по льду, для поисковъ и наказанія Киргизовъ, шелъ прямымъ путемъ, въ перевалъ моря; этимъ сокращалось гораздо болѣе половины пути, противу береговаго, окольнаго. Зима была строгая и ледъ довольно надежный, но все надо было остерегаться моряны, которая могла взломить ледъ и разметать подъ отрядомъ въ разныя стороны. Послѣ такихъ взломовъ, которые случаются тамъ каждую зиму по нѣскольку разъ, ледъ мѣстами спираетъ и ставитъ козломъ, а мѣстами разгоняетъ, оставляя широкія маины или полыньи.

Отрядъ шелъ уже третьи сутки хорошо,—но вдругъ остановился: передъ носомъ была широкая маина, которая тянулась въ оба конца сколько было глазу видно.

1862 г

Старый уральскій казакъ подъѣхалъ и оглянувъ впередъ сказалъ: Ну, чтожъ стали? Аль дневать?

Да что, отвѣчали солдаты, видишь чаї куда зашли; не переплывешь; и самъ-то не знаешь какъ быть—а тутъ еще двѣ пушки!

Такъ вы же какъ думаете быть тутъ?

А какъ быть—про то знаютъ старшіе. Послали назадъ къ Начальнику; либо обходить, либо искать гдѣ лодокъ.

Лодокъ—спросилъ казакъ—да тутъ въ морѣ что за лодки?—А ты самъ на чемъ стоишь?

На чемъ—да вишь на льду стою.

Такъ ты стало быть тѣхъ-то рукавицъ и ищешь, которыя у тебя за-поясомъ: коли ледъ подъ тобою, такъ какоїй же тебѣ еще лодки?

Казаки тотчасъ спѣшились и принялись за работу: выкололи цѣлую льдину, саженъ въ десять, обнесли ее вокругъ воткнутыми кольями, протянувъ вмѣсто поручней арканы; оттолкнулись отъ матераго льду, взявъ съ собою конецъ, понеслись по вѣтру, раскинувъ что было подъ руками вмѣсто парусовъ, и пристав къ тому берегу, протянули веревку; по ней паромъ одинъ пошелъ ходить взадъ и впе-

родъ и перевезъ весь отрядъ, съ лошадьми и съ двумя пушками.

ПО ЖЕЛАНІЮ ВРАГА.

Государь Петръ Великій, царствовавшій всего 43 года и скончавшійся въ 1725 году, былъ всегда и вездѣ побѣдителемъ надъ врагами Государства, хотя вынужденъ былъ вести въ долгое время это много тяжкихъ войнъ, со всѣми сосѣдями.

У Турокъ въ то время, говорятъ, было повѣрье, будто они сами причиною удачъ Петра и разсказывали случай этотъ такимъ образомъ:

Петръ Великій въ 1695 году пошелъ на Азовъ, бывшій тогда городомъ Турецкимъ; сухопутное войско обложило крѣпость, а гребная флотилія,—первая военная выстроенная въ Россіи, на Воронежской верфи и состоявшая изъ 2 прамовъ, 2 галеасовъ, 23 галеръ и 4 брандеровъ,—только что поспѣвъ къ этой осадѣ, изъ Воронежа, запирала крѣпость отъ рѣки, выходила также на взморье, гдѣ, вмѣстѣ съ лодками Запорожцевъ, забирала Турецкія суда, шедшія въ Азовъ съ подвозомъ харчей и оружія. Крым-

сжая и Кубанская сила много разъ пытались прорваться на помощь осажденнымъ, но каждый разъ была отбиваема съ большимъ урономъ. Наконецъ всѣ наружныя укрѣпленія Азова были сбиты или взяты, крѣпостныя стѣны разрушены, городъ разоренъ бомбами, и Паша, видя неминуемую гибель свою, рѣшился просить милосердія Царя.

Государь, хотя могъ взять Азовъ въ этомъ положеніи безъ сдачи, но жалѣя кровь поддаиныхъ своихъ и даже враговъ, согласился отпустить весь гарнизонъ, съ женами и дѣтьми, и съ имуществомъ, какое они могли унести на себѣ. Турки вышли и въ страхѣ подходили къ стругамъ своимъ, на которыхъ имъ надо было спуститься къ морю; они не вѣрили своему счастью, а думали что Русскіе ихъ обманули и выманивъ изъ крѣпости ограбятъ и перерѣжутъ. Но когда ихъ пропустили свободно, никого ни обидѣли, не тронули, однимъ словомъ, когда все исполнено было свято по договору, тогда Паша Азовскій сказалъ нашему Царю:

Мы благодаримъ Бога, что ты поступилъ съ нами правдиво и милостиво, пожаловавъ насъ не смертію а животомъ, за которую правду твою и впредь, куда ни пойдешь воіінэю,

да управитъ Богъ путь твой благополучно и побѣдоносно.»

Надо сказать правду: если и не согласиться, что Петру Великому везло счастье отъ этого Турецкаго пожеланія, то покрайней мѣрѣ побѣдителю не можетъ быть болѣе той награды, какъ когда сами непріятели испрашиваютъ ему у Бога побѣды!

ПРАВОСУДІЕ.

Государь Петръ Великій былъ отчаянно боленъ: всѣ въ страхѣ молились, и наконецъ приближенные бояре, по своимъ понятіямъ, рѣшились доложить Царю: «Не соблаговолитъ ли Онъ даровать жизнь осужденнымъ на смертную казнь девяти разбойникамъ, дабы они молили Бога о здоровіи Его?

На это Государь отвѣчалъ: — «Неужто вы думаете, что оставить злодѣйство безъ казни есть достойная Царя милость и доброе дѣло? Неужто вы думаете, что такое неправосудіе можетъ быть угодно Богу и что нечестивыя молитвы столь противныхъ Ему злодѣевъ будутъ Имъ уважены? — А я думаю, что правосудіемъ

надъ ними преклоню на милость къ себѣ правосуднаго Бога, прощеніемъ же ихъ прогнѣвлю Его». Слова Государя оправдались: Онъ вскорѣ выздоровѣлъ, на счастье и радость вѣрноподданнымъ.

КРУШЕНІЕ БОЛЬШАГО КОНВОЯ СУДОВЪ.

Англійскій фрегатъ Аполлонъ, капитанъ Диксонъ, съ цѣлымъ конвоемъ, до 70 купеческихъ судовъ и еще съ другимъ фрегатомъ, вышелъ 26-го Марта 1804 года изъ своего порта Корка и направилъ путь по Атлантическому океану.

1-го Апрѣля сильный SW сталъ крѣпчать и переходить въ штормъ; на фрегатѣ изорвало одинъ парусъ за другимъ, шли подъ однимъ фокомъ и штормовыми стакселями. По счисленію, фрегатъ считалъ себя далеко въ открытомъ морѣ; но въ ночи на 3 число вдругъ ударился о мель.

Ночь, потемки, штормъ и страшное волненіе, съ прибоемъ къ мели; отъ нѣсколькихъ ударовъ показалась течь ливмя; не успѣли опамятоваться, какъ фрегатъ перекинуло черезъ мель, но руль оторвало. Привели фрегатъ одними па-

русами на фордевиндъ, пустивъ въ ходъ всѣ помпы—но волненіе уже стало перекатываться черезъ палубу и заливать судно. Со всѣхъ концовъ закричали, что фрегатъ тонетъ—весь трюмъ и кубрикъ, былъ уже наполненъ водой—но въ то же время онъ снова ударился и опять сталъ на мель.

Фрегатъ продолжало колотить объ мель, такъ, что едва можно было устоять на ногахъ; всѣ только того и чаяли, что вотъ—вотъ весь развалится и распадется. Обрубили талрепы и мачты упали на лѣвый бортъ; фрегатъ все еще колотило, несло по мели къ берегу и сверху заливало; затѣмъ положило его на правый бокъ, затопивъ шкафутъ; всѣ орудія праваго лага были подъ водой, а съ лѣвой стороны большую часть ихъ оторвало, когда повалило фрегатъ, и перекинуло на правую-жъ сторону. Однако изъ четырехъ пушекъ, оставшихся съ лѣвой стороны на шканцахъ, успѣли выпалить, хотя и безъ пользы: весь конвой судовъ бѣдствовалъ и помощи подать было некому.

Въ палубѣ выломало переборки, затопило каюты и обломки носились взадъ и впередъ, побивая людей. Кто порывался выти на верхъ, того первой волной опять скидывало съ трапа. Почти весь экипажъ столпился на лѣвыхъ

шкаціахъ и гротъ-русленіяхъ; надо было крѣпко держаться за что нибудь руками и ногами, чтобы не снесло волненіемъ; командиръ, почти раздѣтый, держался за обломокъ бизань-мачты, утѣшая и ободряя команду.

Со свѣтомъ плоскій берегъ открылся въ двухъ кабельтовыхъ; это былъ берегъ Португальскій, у мыса Мондего. До 30-ти судовъ изъ конвоя также стояли на мели, были выброшены и заливаемы волной. Какъ ни близокъ былъ берегъ, но мало было надежды выйти на него: прибой былъ слишкомъ силенъ, а гребныя суда съ фрегата всѣ снесло и изломало.

Фрегатъ сталъ погружаться кормой; его весь раздергало, и потому капитанъ, опасаясь чтобы онъ не переломился вовсе, приказалъ переходить на бакъ. Какъ ни трудно было это исполнить, и хотя не всякій матросъ понималъ, для чего это дѣлается,—но обычный порядокъ и повиновеніе даже въ минуту общей гибели удержались; всѣ старались исполнить, какъ могли, приказаніе капитана: вслѣдъ за тѣмъ фрегатъ переломило посрединѣ на двое и кормовая часть затонула. На ней не было бы никому спасенія. Всѣ столпились на форъ-русленяхъ на баковомъ бортѣ, по бушприту. Тутъ было болѣе 200 человѣкъ.

*

При неминуемой гибели, капитанъ дозволилъ спасаться. Артиллерійскій офицеръ первый рѣшился пуститься вплавь къ берегу, но утонулъ въ виду всѣхъ. За нимъ одинъ лейтенантъ, лекарь, фельдшеръ, подштурманъ и нѣсколько матросовъ всѣ пошли тудаже. Прибой былъ слишкомъ сильный. Но это не устрашило другихъ — стали пускаться къ берегу на доскахъ, съ обломками рангоута, и лейтенантъ Гарвей и до 30-ти нижнихъ чиновъ благополучно вышли на берегъ.

Штормъ все еще длился, каждая волна обливала бѣдствующихъ; погода стояла холодная. Въ ночи на 3-е люди, кто былъ послабѣе, стали коченѣть и сваливаться въ море. Эта участь постигла и двухъ молодыхъ мичмановъ. Около полудни лейт. Гарвей явился на берегу съ народомъ, для помощи; но при всякой попыткѣ ихъ спустить лодку, ее выбрасывало и перекидывало вмѣстѣ съ людьми. Нѣсколько человѣкъ на фрегатѣ связали плотъ изъ обломковъ—но ихъ въ глазахъ экипажа унесло не къ берегу, а въ открытое море. Холодъ, голодъ, изнуреніе силъ, довели команду до того, что она при каждомъ ударѣ части фрегатскаго остова о мель, ожидала послѣдней минуты. Палуба бака стояла отвѣсно, остовъ лежалъ на пра-

вомъ бэку; на лѣвой сторонѣ висѣла вся тяжесть пушекъ и двухъ якорей, но ихъ, по тѣснотѣ, нельзя было обрубить: тутъ оставалось еще почти одинъ на другомъ, до 150 человѣкъ.

Штормъ крѣпчалъ, порывы его съ дождемъ набѣгали, волненіе ходило черезъ бѣдствующихъ; остовъ грозилъ разсыпаться. Многіе погибли въ эту ночь, на 4-е Апрѣля, а со свѣтомъ еще человѣкъ 15 достигли берега, на разныхъ обломкахъ.

Наконецъ 4-го послѣ полудня насталъ часъ искупленія: лейт. Гарвею удалось спустить лодку, при смягчившемся вѣтрѣ, и мало по малу вся оставшаяся команда была перевезена на берегъ. Несчастный корабль погибъ уже прежде.

1882 г.

Но и тутъ еще не пришелъ конецъ бѣдствія, покрайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не послушался умныхъ совѣтовъ: почти четверо сутокъ протомились люди голодомъ и жаждой; на берегу встрѣтили ихъ пищей и къ несчастію также водкой; кто поѣлъ и попилъ неосторожно, послѣ этого поста, тотъ умиралъ, и многіе такимъ образомъ погибли, будучи уже спасены.

Оказалось, что до 30-ти судовъ изъ конвоя также были разбиты; ихъ большею частію выкидывало ближе къ берегу, людямъ легче было

спасаться чѣмъ съ фрегата; но и тамъ много людей погибло, а нѣсколько судовъ затопило на глубинѣ. На фрегатѣ изъ 240 человѣкъ погибло 61.

НАУКА.

Первая битва Петра Великаго со Шведами, подъ Нарвой въ 1700 году, была весьма не удачна: воинственный и храбрый Король Карлъ XII напалъ врасплохъ на войско наше, котораго было до 35 т. и разбилъ его такъ, что мы потеряли: до 10 т. нижнихъ чиновъ, убитыхъ, утопшихъ, или погибшихъ отъ стужи и голода, всѣхъ генераловъ, множество полковниковъ и офицеровъ, 170 знаменъ и штандартовъ, спаряды, обозъ и казну и всю свою артиллерію, состоявшую изъ 145 пушекъ, 28 мортиръ и 4 гаубицъ. Государь въ самое это время былъ въ Новгородѣ, куда отправился самъ, для сбора и привода подъ Нарву подкрѣпленія. Непріятель его предупредилъ.

Получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, Петръ Великій не показалъ такого неудовольствія, какъ многіе, упавшіе духомъ, ожидали;

на лицѣ Его, напротивъ, видно было одно спокойствіе и Онъ какъ будто немного улыбнулся. Всѣ, кто былъ при немъ, крайне изумились этому, и не понимали Государя; но Онъ сказалъ: «Первую пѣсенку не стыдно и зардѣвшись спѣть; дайте срокъ: одинъ битый двухъ небитыхъ стоитъ. Русскій человѣкъ переимчивъ; поглядѣвши какъ Шведы насъ бьютъ, научимся, да и сами ихъ поколотимъ».

Черезъ годъ, мы уже начали бить Шведовъ порядочно; затѣмъ, когда Карлъ XII осаждалъ Полтаву и Князь Меншиковъ, сдѣлалъ нападеніе на осаждающихъ, въ тоже время ловко провелъ отрядъ нашъ въ городъ, на помощь осажденнымъ, Король сказалъ: «Однако я вижу, что Москвичи кой-что у насъ переняли. Это опасно». Вскорѣ послѣ этого, Шведы разбиты были подъ Полтавою, такъ, что огромная армія ихъ погибла поголовно, а раненый Король едва ушелъ къ Туркамъ, и скитался много лѣтъ на чужбинѣ; между тѣмъ Петръ Великій заложилъ и выстроилъ новую столицу свою, Петербургъ, на завоеванной Шведской землѣ.

Пригласивъ послѣ Полтавской битвы плѣнныхъ Генераловъ Шведскихъ къ столу Своему, разговаривая съ ними милостиво и жалѣя о несчастіи ихъ, Петръ Великій поднялъ стаканъ

и сказалъ: «Пью за здоровье ваше, Господа, какъ учителей Моихъ въ военномъ дѣлѣ».

ГИБЕЛЬ АНГЛІЙСКАГО КОРАБЛЯ ЦЕНТАВРЪ.

Послѣ сраженія Англійскаго флота съ Французскимъ, у Западной-Индіи (средины Америки) 1782 года, гдѣ Французы были разбиты и потеряли большую часть флота, Англичане пустились въ обратный путь, забравъ съ собою плѣнные и призовые корабли и суда, а также конвой купецкихъ судовъ, всего болѣе сотни вымпеловъ.

Но даже Англійскіе корабли, послѣ продолжительнаго похода и выдержаннаго сраженія, были въ весьма ненадежномъ положеніи; а плѣнные корабли и подавно. Вычинивъ ихъ на скорую руку, смѣлый адмиралъ однакоже пустился съ этимъ огромнымъ флотомъ въ путь. Ихъ застигалъ среди Западнаго Океана такой жестокій штормъ, который на бѣду длился съ недѣлю, что весь флотъ разбросало и каждое судно искало по себѣ спасенія; но половина ихъ потеряла мачты, а до десяти кораблей и фре-

гатовъ, англійскихъ и плѣшныхъ, не говоря о купецкихъ, по ветхости ихъ, раскачало и раздергало въ открытомъ морѣ, такъ, что они пошли ко дну со всеи командой.

Въ числѣ послѣднихъ былъ Центавръ. Онъ вышелъ уже изъ Ямайки съ порядочною течью, которая при свѣжемъ вѣтрѣ тотчасъ увеличивалась и двѣ помпы были постоянно въ ходу.

16-го Сентября началась буря. Спустивъ верхніи рангоутъ на ростры, поставили штормовые паруса — но въ подводной части обстояло не благополучно: течь до того усилилась, что всѣ помпы были въ дѣлѣ, а она не уменьшалась. Шквалъ, какого и старые моряки не видывали, набѣжалъ послѣ полуночи и, хотя всѣ паруса были убраны, повалилъ корабль вовсе на бокъ. Вода изъ трюма залила въ палубѣ всю подвѣтренную сторону, и все еще прибывала; порты подъ водой стали подаваться и она била въ щели ключемъ.

Увидавъ, что кораблю не встать, командиръ срубилъ двѣ заднія мачты; но гротъ-мачта, при страшной качкѣ, упала на фокъ-мачту и переломила ее, а фокъ-мачта выломила и бушприть. Корабль тотчасъ всталъ, и съ такимъ порывомъ, что при качкѣ его съ боку на-бокъ, ни одинъ человѣкъ неустоялъ на ногахъ. Нѣ-

сколько пушекъ оторвалось, ядра изъ кранцовъ катались по палубамъ и били людей.

Румпель переломило — закричали съ юту — и прежде чѣмъ успѣли вставить запасный, вышибло вовсе руль. Центавръ остался безъ мачтъ, безъ руля, съ осьмью футами воды въ трюмѣ среди шторма и страшнаго волненія. Изъ сотни судовъ въ виду было только до пятнадцати и всѣ сами терпѣли бѣдствіе; на отчаянную пальбу Центавра никто не отвѣчалъ.

Сбросили всѣ пушки, пытались привести къ вѣтру, выкинутымъ съ носу на кабельтовѣ верпомъ съ нѣсколькими пушечными станками, но безъ успѣха. Качали, уже болѣе сутокъ, во всѣ помпы, а вода не убывала. Вѣтеръ былъ порывистый, самый жестокій.

14-го стали ломаться и портиться помпы, отъ прорвавшагося вмѣстѣ съ водою изъ кормоваго трюма каменнаго угля, истертаго качкой въ порохъ. Бочки съ провизіей стало подымать водой и тотчасъ же разбивало въ дребезги. Всѣ обломки эти носились надъ нижнимъ лагомъ водяныхъ бочекъ, били и толкали, такъ, что нельзя было достать даже прѣсной воды.

Принялись отливать воду ведрами и 19-го, когда штормъ временно стихъ, общими силами

до того убавили ее, что достали, съ опасностію жизни, бочку прѣсной воды, которой не видали ни капли уже болѣе сутокъ.

Распредѣлили команду: часть назначена была для отливки, другая для очистки трюма отъ обломковъ, третья для выброшенія тяжестей и пушекъ, четвертая для установки фальшиваго вооруженія, а плотники ладили потесь, вмѣсто руля. Подвели парусъ подъ корабль, и другой еще — но течь почти не уменьшалась. 21-го буря снова заревѣла, помпы сдѣлались вовсе негодными. Прорубили во многихъ мѣстахъ нижнюю палубу, чтобы отливаться ведрами. Кубрикъ подмыло и подняло; ахтерь-штевень такъ разслабъ, что по обѣ стороны вода била ключемъ.

22-го не легче; подняло и колотило уже всѣ бочки нижняго лага и скоро всѣ перебило. Носъ сталъ погружаться, и нижніе порты были уже до половины подъ водой. Вся команда пришла въ отчаянье и готовилась къ неминучей смерти. Стали готовить плоты — но всѣ сами видѣли, что неначемъ поднять и третьей доли команды. Три оставшіяся шлюпки были приготовлены къ спуску. Хотя вообще команда во всемъ повиновалась, но выбившись изъ силъ, бросила отливаться и корабль сталъ видимо грузнуть.

Ничего не оставалось, какъ искать спасенія

на плотахъ и шлюбкахъ, и притомъ поспѣшить управиться такъ, чтобы не попасть въ водоворотъ, который долженъ былъ образоваться надъ пошедшимъ ко дну кораблемъ. Такъ какъ всего спаслась одна только шлюпка съ 12 человѣками, а всѣ прочіе погибли безъ вѣсти, то опишемъ это чудесное спасеніе.

На этой шлюпкѣ былъ командиръ судна, два офицера, и девять нижнихъ чиновъ. Ее понесло тотчасъ за корму корабля и тутъ же чуть не залило: принявшись съ мѣста отливать ее, говоритъ капитанъ, мы тотчасъ пустились по вѣтру и понеслись — безъ паруса, безъ компаса, въ одшихъ сертукахъ и курткахъ, среди холода и страшнаго волненія. Черезъ полчаса мы уже потеряли изъ виду корабль.

Пашедши въ шлюпкѣ байковое одѣяло, мы подняли его на шестахъ и шли всю ночь по вѣтру, едва успѣвая отливать воду, между двухъ большихъ валовъ.

Ближайшая земля отъ насъ, въ этомъ направленіи, были острова Азорскіе, въ 800 миляхъ. При попутномъ вѣтрѣ, можно было дойти до нихъ — если не зальетъ и если попасть на нихъ безъ компаса — въ недѣлю; но при штормѣ намъ нельзя было итти иначе, какъ по вѣтру.

Мы нашли въ лодкѣ мѣшокъ сухарей, окорокъ, кусокъ свинины, двѣ бутылки воды, четыре бутылки водки. Мы положили раздавать по сухарю утромъ и по сухарю въ обѣдъ, а къ тому не болѣе рюмочки воды, которую отмѣряли въ отбитое и заткнутое съ одного конца горлышко бутылки. Вѣтеръ зашелъ къ S, но стихъ, такъ что намъ можно было восемь дней сряду итти въ полвѣтра, почти на O.

Пошелъ дождь, — и мы ему обрадовались какъ благодати: голодъ и жажда насъ измучили. Мы подставили простыню, а подъ нее лейку, и собрали шесть бутылокъ воды.

Но мокрота и стужа насъ одолѣвали. Вѣтеръ отошелъ къ NW и мы пошли опять почти на зюрдевинд. Это былъ 15 день нашего плаванія и сухарей оставалось всего на одинъ день, да одна бутылка воды. Мы были изнурены до крайности и одинъ урядникъ скончался. Кажется ему много повредило, что онъ пилъ морскую воду. Ночью заштилѣло, а потомъ подулъ вѣтеръ, по нашему расчету WSW.

Роздавъ утромъ на 16-й день послѣдніе сухари, мы готовились послѣдовать за урядникомъ, какъ другой квартермистръ сталъ увѣрять, что видѣлъ берегъ на SO; мы боялись вѣрить, потому что уже не разъ ошибались; но одинъ

изъ матросовъ сталъ клясться и божиться, что видитъ берегъ. Направивъ туда путь свой, мы часа черезъ два убѣдились, что берегъ лежалъ передъ нами!

Близко видать — да далеко мигать! Только къ десяти часамъ вечера подошли мы наконецъ къ этому берегу! Но и тутъ бѣда: отъ прибою не могли мы найти пристанища и еще часа два шли вдоль острова Фаяла — это былъ Фаялъ, одинъ изъ острововъ Азорскихъ, и наконецъ встрѣтили рыбаковъ. Они, на лодкѣ своей, провели насъ на рейдъ, но и тутъ еще ожидало насъ жестокое искушеніе: намъ доставили хлѣба, воды, вина и плодовъ — но Португальцы не выпустили насъ на берегъ до утра, заставивъ еще пропочевать на шлюпкѣ, въ водѣ, покуда не осмотрѣлъ насъ утромъ карантинный надзиратель!

Богъ съ ними; теперь мы забыли кровную обиду эту, а тогда было горько. Утромъ насъ, кого свели подъ руки, а кого и снесли на рукахъ со шлюпки—никто не могъ ходить. Недѣли черезъ двѣ, мы всѣ оправились и готовы были снова — хоть на край Свѣта.

И крута гора — да забывчива; и кручинно горе, да сбывчиво!

ХОЛМОГОРСКІЕ ГОРШКИ.

Петръ Великій, навѣдавшись въ третій разъ въ Архангельскъ, спустивъ тамъ со стапеля два фрегата и заложивъ нѣсколько судовъ, осматривалъ всѣ купеческія суда, малыя и большія, милостиво бесѣдовалъ съ хозяевами, русскими и иностранцами, поощряя ихъ къ торговлѣ и мореплаванію. Онъ ходилъ также по лодкамъ и баркамъ, пришедшимъ изъ Холмогоръ, съ разными крестьянскими издѣліями и припасами. Осмотрѣвъ между прочимъ лодку съ горшками и побесѣдовавъ съ хозяиномъ, Государь упалъ было съ кладки, положенной на лодкѣ; доска сорвалась и упавъ перебила много товару. Мужикъ почесалъ затылокъ и въ простотѣ молвилъ: «Вотъ тебѣ и выручка!» Царь усмѣхнулся и спросилъ: «а многоли?» Мужикъ отвѣчалъ: «да теперь не много; а было бы алтынъ на сорокъ». Царь пожаловалъ ему изъ рукъ своихъ червонецъ, сказавъ: «торгуй, разживайся, а Меня лихомъ не поминай».

ОПЛОШНОСТЬ.

Командиръ Англійскаго линѣйнаго корабля Скипетръ разсказываетъ, что стоя на якорѣ въ

заливѣ у мыса Доброй-Надежды, при жестокомъ штормѣ съ моря, у него лопнулъ канатъ. Тотчасъ отдали другой, запасный якорь, который былъ уже приготовленъ; но по непростительной оплошности, конецъ каната его не былъ прикрѣпленъ и его высучило. Поэтому спустили барказъ, чтобы подать конецъ кабельтова на стоявшій вблизи корабль; но барказъ тотчасъ же опрокинуло и люди перетопули. Кончилось тѣмъ, что и самый корабль выкинуло на мель.

Нашъ адмиралъ Головнинъ разсказываетъ случай, еще проще, который также чуть не погубилъ корабля: идучи съ океана въ довольно узкое мѣсто, гдѣ должно было бросить якорь, для этого все приготовили и матросы, разносившіе канатъ, много разъ уже на спросъ отвѣчали, что бухта чиста и все готово. Но они забыли осмотрѣть самые клюзы, которые отъ волненія заткнуты были швабрами. Отдали якорь, швабры заѣли и онъ повисъ.... А корабль несетъ прямо на каменья! Отдали другой, и къ счастію онъ выдернулъ швабры, упалъ и забралъ.

Вотъ какъ малая оплошность доводитъ до большой бѣды!

ТВЕРДОСТЬ ДУХА.

Англійскій шлюпъ Гардіанъ, командиръ Рибо, съ экипажемъ въ 123 человѣка и 25-ю ссыльными, которыхъ поручено было ему отвезти въ Ботани-Бей, подошелъ по пути къ огромной ловучей льдинѣ, чтобы недостатокъ прѣсной воды замѣнить льдомъ.

Кончивъ это, шлюпъ снялся съ дрейфа, но ударился на ходу носомъ о подводную часть льдины, которая подъ водою выдавалась далеко въ сторону. Судно оборотилось отъ удара задомъ на передъ, и опять ударилось, при сильномъ волненіи, кормой, которою и стало на льду. Поставивъ всѣ паруса и переславъ людей на бакъ, капитанъ тотчасъ сошелъ со льду, но при бывшемъ сильномъ волненіи уже вышибло руль и раскачало ахтерь-штевень, такъ, что вода полилась ключемъ: въ трюмѣ оказалось 6 футовъ воды, а затѣмъ, хотя всѣ помпы пущены были въ ходъ, постоянно прибывала и черезъ сутки было 10 футъ.

Сбросили за бортъ скотъ, бывшій на шлюпѣ и кормъ для него, равно другія тяжести, — пробились еще сутки, выбились изъ силъ и ожидали одной гибели. Команда, послушная

во всемъ, стала просить командира спасаться на гребныхъ судахъ.

Обсудивъ, что шлюпъ безъ руля и съ такою течью долженъ вскорѣ потонуть, но что всей команды нельзя помѣстить на гребныхъ судахъ, если не затопить ихъ, лейтенантъ Райо объяснилъ это экипажу и сказавъ, что самъ остается на шлюпѣ, вызывалъ къ себѣ охотниковъ, а прочимъ дозволилъ спустить гребныя суда и искать спасенія. Онъ былъ такъ спокоенъ духомъ, что ожидая самъ съ часу на часъ смерти и отпуская часть команды и офицеровъ на шлюпкахъ, выдалъ имъ свидѣтельство къ Англійскому начальству, гдѣ хвалилъ послушаніе и покорность ихъ, удостовѣрялъ, что они отправились съ его позволенія и просилъ, если самъ онъ погибнетъ, не оставить мать его и сестру. На трехъ гребныхъ судахъ помѣстилась только треть команды — яликъ же разбило у борта — прочіе остались съ командиромъ на шлюпѣ, сказавъ что хотятъ съ нимъ жить и умереть.

Сколько извѣстно, одинъ только ялъ, изъ трехъ, спасся, встрѣтивъ, ровно черезъ мѣсяцъ Французскаго купца, который принялъ людей; остальныя гребныя суда пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ на шлюпѣ командиръ раздѣлилъ людей къ работамъ, посмѣнно, назначивъ имъ нужный отдыхъ; одна часть спасала провизію отъ потопа, облегчала шлюпъ, скидывая все лишнее въ море; другіе отливали воду, а плотники возились около руля.

И Богъ услышалъ молитвы ихъ: Голландскій пакетботъ, шедшій изъ Батавіи, увидалъ бѣдствующихъ, подошелъ на помощь, а какъ погода смягчилась, то успѣли исправиться и при пособіи пакетбота, который не отлучался болѣе отъ шлюпа, онъ прошелъ 1200 миль и прибылъ со всею командою благополучно на мысъ Доброй-Надежды.

КОРАБЛЬ КОРОЛЬ ГЕОРГЪ.

Судьба стопушечнаго Англійскаго корабля Король Георгъ замѣчательна: не погибъ онъ и экипажъ его въ сраженіи, отъ непріятельскихъ ядеръ, и не былъ разбитъ въ бурную ночь о подводныя каменья; онъ пошелъ ко дну, отъ непростительной оплошности, среди бѣлаго дня, въ ясную и тихую погоду, на рейдѣ Портсмутскомъ, среди множества свидѣтелей на другихъ

судахъ, которыя большею частію опоздали помощію. Это случилось въ 1782 году, 19 Августа.

Король Георгъ воротился изъ крейсерства съ небольшою течью, которая открылась футахъ въ двухъ подъ ватерлиніею. Поэтому не сочли нужнымъ вводить корабль въ докъ, а чтобы не терять времени принялись за дѣло тотчасъ, на рейдѣ.

Для этого приказали вдвинуть всѣ пушки одного лага, и выдвинуть ихъ съ другаго. Распоряжался тимерманъ; корабль накренился сильно, такъ что худое мѣсто все вышло наружу;—но вскорѣ замѣтили, что корабль вовсе ложится на одинъ бокъ; команда обѣдала, когда вдругъ ударили тревогу; позабыли заткнуть шпигаты нижняго дека, и вода лилась руслами въ корабль!

Бросились къ пушкамъ—но уже никто не могъ стоять на палубахъ, всѣ тяжести упали на одну сторону, порты легли на-воду и въ минуту стопушечный корабль, стоя спокойно на якорѣ, пошелъ ко-дну!

На немъ было въ это время болѣе 1200 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей. Со всѣхъ судовъ тотчасъ же бросились гребныя суда на помощь, но нѣсколько време-

ии не было возможности подойти къ водовороту, который образовался на мѣстѣ потонувшаго корабля: провіантское судно, родъ большаго крытаго баркаса, стоявшее въ это время подлѣ Короля Георга, утащило въ водоворотъ этотъ и часть людей на немъ также потопула.

Въ пучинѣ все кипѣло, какъ въ котлѣ, и сотни людей, хватаясь то за разныя плывущія вещи, вымытыя водою изъ корабля, то другъ за друга, тонули сами и топили другихъ. Спасено было до 300 человѣкъ, а до 900 погибло. Гротъ-марсъ затонувшаго корабля, ставшаго опять на киль когда весь наполнился водой и пришелъ на дно моря,—гротъ-марсъ виденъ былъ надъ водой еще черезъ 18 лѣтъ.

1882 г.

КРУШЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО КУПЕЦКАГО КОРАБЛЯ «ФАННИ.

Это былъ прочный корабль Индѣйской Компаніи, который, какъ большая часть компанейскихъ судовъ, по вооруженію, экипажу и офицерамъ, можно назвать полувоеннымъ. Онъ шелъ изъ Бомбея, изъ Восточной-Индіи, въ Китай.

Вышедши благополучно чрезъ Малакскій Проливъ въ Китайское море, Фаши собрался встрѣчать тифонъ: это не водяной тифонъ, а въ Китайскомъ морѣ называютъ такъ самый жестокій ураганъ, который, кружась, иногда обходитъ вокругъ весь компасъ.

Небо стало краснѣть, тучи неслись туда и сюда, море почернѣло и закипѣло. Вѣтеръ свирѣпѣлъ и уже нельзя было нести ни одного паруса: тогда вдругъ заштилѣло, а чрезъ полчаса страшно заревѣло съ противной стороны. Это было вечеромъ; поутру сломило фокъ-мачту, которая упавъ за бортъ выбила руль. Корабль понесло бокомъ, а съ трюма закричали, что вода прибыла до трехъ футовъ. Между тѣмъ на ютѣ принуждены были связать штурмана, который вдругъ сошелъ съ ума и сталъ бѣсноваться.

Такое положеніе длилось сутки: тогда ураганъ началъ стихать, но зыбью такъ бросало корабль, безъ руля и парусовъ, что сломило гротъ-стеньгу и перебило ею людей.

Не смотря на все это, какъ только прошелъ тифонъ, то принялись за работу и поставивъ фальшивую фокъ-мачту подняли кой-какіе паруса и держались безъ руля цѣлый мѣсяцъ. Дошедши до Китайскаго острова Гайнанъ, бро-

сили якорь, вычинились не много и вставили сдѣланный на походѣ руль. Но вслѣдъ затѣмъ подорвало канатъ и вынесло Фанни въ море. Шлюпка, посланная за водою, осталась на берегу.

Одолѣвъ и эту бурю, Фанни успѣлъ опять подойти къ острову Гайнапу, съ другой стороны, и бросить якорь въ заливѣ. Здѣсь отстаивался опъ три недѣли отъ мусопа, т. е. постояннаго жестокаго вѣтра NO, запасся водой, по харчей не могъ получить нисколько, хотя очень въ нихъ нуждался. Жители готовы были ограбить бѣдствующее судно, а помощи не давали. Шлюпка съ людьми была взята въ плѣнъ и за нихъ просили выкупъ. Въ тоже время четверо негодныхъ матросовъ, опасаясь что корабль разобьетъ, хотѣли воровски спастись на баркасѣ; но его выкинуло на грядѣ у берега и разбило въ щепы. За этихъ людей жители также требовали выкупа. Капитанъ хотѣлъ постращать ихъ пушками и для этого снялся съ якоря — но противный вѣтеръ вдругъ скрѣпчалъ, и при плохомъ положеніи корабля, его понесло опять въ море. Паруса изорвало, фальшивый руль отломило и несчастный Фанни опять понесся по произволу бури. Управляя одними штормовыми парусами, безъ руля, они

неслись такъ двѣ недѣли и успѣвъ миновать много опасныхъ мелей и каменныхъ грядъ, наконецъ поставили на мѣсто другой фальшивый руль.

Командиръ и экипажъ отъ радости будто воскресли: корабль опять съ парусами и съ рулемъ; но не успѣли оглянуться, какъ онъ попалъ въ толчею, окруженную рифами. Бросили якорь; гребныхъ судовъ уже не было, кромѣ Китайскаго, изломаннаго ялика, вокругъ виденъ былъ бурунъ и корабль потащило съ двухъ якорей прямо на рифъ. Подняли кой-какъ одинъ якорь, другой отрубили и пошли искать выхода изъ буруновъ: но корабль отказалъ въ поворотѣ и сталъ на камень.

Выбило руль, который стоилъ имъ столько труда, и такъ колотило корабль о каменья, что Капитанъ срубилъ мачты. Это было время прилива: вода убыла и Фанни остался на суши: его укрѣпили стрѣлами. Гряды и каменья видны были кругомъ, на большое пространство.

Ближайшій берегъ отъ несчастныхъ былъ Кохинхина, 250 миль — но при противномъ мусонѣ нельзя было и думать попасть туда. Ближайшій за тѣмъ островъ, Пуло-Ауро, былъ въ 800 миляхъ — а у корабля ни одного гребнаго судна, кромѣ плохаго Китайскаго ялика!

Весь экипажъ, на половину Индѣйцы, состоялъ изъ 56 человѣкъ.

Въ бѣдѣ этой рѣшились снять югъ съ Фанни, сдѣлать изъ него два парома и исправить яликъ. Паромы поспѣли;—но когда стали, для опыта до спуска ихъ, наливать въ нихъ воду ведрами, то увидѣли, что она пробѣгала, какъ въ рѣшето! А корабельные члены уже начали расходиться и Фанни грозилъ розсыпаться! Но видно не суждено было еще всѣмъ имъ погибнуть: когда они остались безъ воды, то пошелъ проливной дождь и они собрали парусами три бочки воды; а когда насталъ голодъ, то подъ грузомъ хлопчатой бумаги неожиданно нашли нѣсколько мѣшковъ саранынскаго пшена. Въ малую воду, собирали также и ѣли устрицы.

Прошло двѣ недѣли — экипажъ безъ устали работалъ надъ паромами, но вдругъ отъ загнившаго груза хлопчатой бумаги, а можетъ быть еще болѣе отъ изнуренія, появилась цынга, которою почти всѣ заболѣли. Капитанъ слегъ.

Въ этомъ положеніи увидѣли они небольшое судно, которое сначала сочли разбойничьимъ, Малайскимъ, но потомъ признали за Американское; старшій лейтенантъ отправился на встрѣчу ему, на яликѣ, но не хотѣлъ выѣхать че-

резъ бурунъ рифа, опасаясь, что не можетъ выгрести обратно, къ своему судну, и не желая покинуть товарищей, хотя бы самъ легко могъ спастись. Вотъ какъ благороденъ былъ офицеръ этотъ.

Наконецъ Американецъ рѣшился спустить плобку, которая съ великимъ трудомъ пробилась сквозь бурунъ и пристала къ мели: бывшій на ней шхиперъ приглашалъ капитана разбитаго Фашни и лейтенанта съ двумя товарищами съ собою, объявивъ что болѣе четырехъ человѣкъ взять не можетъ. Капитанъ, хотя и больной, объявилъ, что останется на кораблѣ послѣднимъ; лейтенантъ сказалъ, что не оставитъ командира—а потому бросили жеребій и отдали Американцу четырехъ матросовъ, которымъ жеребій вышелъ; остальные принялись оканчивать плотъ. При этихъ работахъ они встрѣтили и проводили Рождество Христово.

Эти два парома или плашкоута были длиною 17 футъ, шириною 5 футъ и вышиною 5 ф. Ихъ укопопатили и удѣлали такъ, что течи не было; но когда погрузили харчи и воду и на каждый посадили по 25 человѣкъ, то они такъ погрузились, что сверхъ воды осталось бортовъ всего на 9 дюймовъ. Плашкоуты эти могли ит-

ти только прямо по вѣтру, и то очень легко могло ихъ залить. Съ большимъ трудомъ и опасностію прошли рифъ и пустились въ открытое море, просидѣвъ 40 дней на каменьяхъ.

Опасаясь варваровъ Малайцевъ, капитанъ рѣшился править къ полуострову Малакѣ — 1200 миль! Страшно подумать; но надѣясь на Бога и на послушную команду свою, онъ не отчаивался. Подняли фальшборты изъ брезента, отливали воду отъ всплесковъ и шли подъ парусами на дощанникахъ своей постройки, среди бурнаго и опаснаго моря; цынга всѣхъ одолѣла, прѣсной воды уже не было, 20 дней носились они по волнамъ, какъ увидѣли берегъ!

Но въ это время оставался уже одинъ только паромъ, на которомъ были офицеры и англійскіе матросы; другой, на которомъ были Индѣйцы, ночью отсталъ. Они были въ Малакскомъ проливѣ и встрѣтили купецкое судно. Шкиперъ надѣлилъ ихъ харчами и водой и посовѣтывалъ держаться какъ можно ближе къ сторонѣ Малаки; потому что тутъ было много Малайскихъ разбойниковъ, которые даже папали было на его бригъ, убивъ и переранивъ нѣсколько человѣкъ.

Пятеро сутокъ шли они вдоль берега до гавани Малаки, потому что въ другихъ мѣстахъ

приставать опасно, — народъ не надежный. Наконецъ дошли благополучно и приняты были Начальствомъ и жителями какъ нельзя лучше. Больные вскорѣ стали поправляться. Затѣмъ, вошелъ въ гавань купецъ, который привезъ съ собою *одного* Индѣйца съ другаго парома: остальныхъ всѣхъ перерѣзали Малайскіе разбойники.

ОФИЦЕРСКІЯ ЖЕНЫ.

Когда Петръ Великій жарко осаждалъ Шведскую крѣпость Шлисельбургъ, начальствуя самъ ближайшеею батареей, въ званіи Капитана бомбардирной роты, то онъ послалъ предложить коменданту, не сдастся ли онъ, чтобы пощадить людей. Комендантъ просилъ сроку, надѣясь этимъ выиграть время: тогда тотчасъ Государь открылъ жестокую пальбу. Желая чѣмъ нибудь остановить ее, хоть на время, и надѣясь получить отъ своихъ помощь, осажденные выслали барабанщика, съ письмомъ къ нашему Главнокомандующему, отъ комендантши и всѣхъ офицерскихъ женъ: онѣ просили дозволить имъ выйти изъ крѣпости, гдѣ отъ ог-

ня, бомбъ, ядеръ и дыма не было имъ житья и гдѣ они отъ страху незнали куда дѣваться.

Понявъ уловку эту, Командиръ бомбардирной роты отослалъ барабанщика съ письменнымъ отвѣтомъ, что «не можетъ Онъ пропустить барабанщика къ Фельдмаршалу, ибо вѣдаетъ доподлинно, что онъ не соизволитъ опечалить ихъ разлукою съ супругами: а буде угодно выѣхать, то чтобы и любезныхъ мужей своихъ забрали и увезли съ собою; тогда дастся имъ пропускъ.»

Чрезъ нѣсколько дней крѣпость взята была приступомъ.

ОЛАДЬИ.

Обращаясь всегда съ иноземными корабельщиками и шкиперами чрезвычайно милостиво, Царь Петръ Алексѣевичъ, въ короткѣ основавъ новую столицу свою, Петербургъ, встрѣтилъ на прогулкѣ Голландца и спросилъ его: Ну что, не лучше ли сюда приходить вамъ, чѣмъ въ Архангельскъ? — Нѣтъ, не лучше, Ваше Величество. — Какъ такъ? — Да въ Архангельскѣ

про насъ всегда готовы были оладьи, а здѣсь ихъ что-то не видать. — А, сказалъ Царь, коли такъ, то этому горю пособить можно: приходи завтра со всѣми замляками своими ко Мнѣ во Дворецъ, въ гости, Я васъ употчую оладьями. — И на другой день, Царь задалъ пиръ всѣмъ пришедшимъ въ новую столицу Его шкиперамъ и корабельщикамъ и одаривъ ихъ отпустилъ.

ПОСЛОВИЦА.

А любишь ли ты пословицы?

До хорошей пословицы я охотникъ, — особенно коли она кстати сказана; а плохой не терплю, потому что она учитъ худу.

А будто есть худыя пословицы?

Да худаго гдѣ нѣтъ? Въ новую избу тараканы завсегда напередъ хозяевъ перебираются. Вотъ напримѣръ часто слышимъ мы съ тобою пословицу: Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; эта никуда не годится. Приняла, сказываютъ, жена безъ мужа гостью, куму свою, да и накормила ее ужиномъ, который припасенъ былъ для мужа. Поглядѣвъ, что ужъ не много оста-

лось, а мужъ-то скоро будетъ, да видно ляжетъ спать голодный, хозяйка и стала потчивать куму свою: доѣдай-же, говоритъ, кумушка-голубушка, девятую шанежку (ватрушку), мнѣ однако отъ мужа битой быть.

А лучше этой пословицы мнѣ нравится та, которая говоритъ противное: повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Изъ вины твоей конечно мнѣ не шапку сшить — да на повиннаго рука не подымется, а кого люди прощаютъ, того и Богъ проститъ.

Вѣдь прошлаго неворотишь; не за то бьютъ, что зачѣмъ укралъ, а за то бьютъ, что впередъ не воруй; кто повинился, тотъ напредки отъ худа отрекается — и Богъ съ нимъ; а кто не винится—того бойся, тотъ стало быть, поминаючи зады, и впередъ замышляетъ.

Говорятъ, что повинившись зарекаются, да не на долго; зарекаются-де съ воскресенья до подпесенья; не ладно это, а все лучше того, кто говоритъ: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; такого бойся.

Кто съѣлъ мой пирогъ? Не я. А кому дать еще? Мнѣ! — Копить добрыя дѣла да молчать — это хорошо; а копить семь бѣдъ на одинъ отвѣтъ, доѣдать девятую шанежку, потому что за одно биту быть — это безпутно. Такого пар-

ня не научишь добру, и не стоитъ того, чтобы его бить.

Добро бить того, кто плачетъ, учить того, кто слушается. Съ заклятымъ, съ закоснѣлымъ и упорнымъ ничего не сдѣлаешь: это горбатый, котораго правитъ не дубинка, а могилка.

Сказываютъ, что въ старину еще купленный убiйца подкрался ночью къ сильному и могучему вельможѣ; но сколько не нудилъ себя, а рука у него на кровавое дѣло не подымалась, и что дальше, то болѣе сталъ обмирать страхомъ. Не знавъ никогда доселѣ голоса совѣсти, наемный убiйца до того самъ испугался немочи своей и невѣдомаго страха, что почелъ это знаменiемъ Господнимъ и ему казалось, что правая рука, въ которой держалъ онъ оружiе, стала замирать и отыматься. Въ ужасѣ будитъ онъ самъ Князя и говоритъ ему:

Князь, слушай, враги твои хотятъ извести тебя, я на это дѣло дался имъ, но Богъ вразумилъ меня и посылаетъ къ тебѣ посломъ, чтобы повѣдать это и велѣть остеречься! Вели меня казнить, какъ злодѣя, я бросаю ножъ и отдаюсь во власть твою.

Князь поглядѣлъ на него, прошелся молча по покою и сказалъ: Быть такъ; пословъ не сѣкутъ, нерубятъ, а домой отпускаютъ. Поди,

покуда темно, чтобы я тебя и въ лицо не видалъ.

У Русскаго мужика есть старинный обычай, благодарить за науку, коли его накажутъ. Если онъ дѣлаетъ это, какъ иногда случается, съ назолу, не каясь отъ сердца, не сознаваясь въ грѣхѣ своемъ, то у него языкъ лепечетъ, а голова не вѣдаетъ; языкъ мой врагъ мой: наперед ума глаголетъ! Но если онъ дѣлаетъ это, по совѣту и въ память отцовъ и дѣдовъ, то есть по правдѣ и въ чистотѣ сердечной, тогда можно напророчить этому виноватому, что его наказали въ послѣдній разъ и что впередъ онъ будетъ слушаться не палки, а слова; не все хлыстомъ—ино и свистомъ.

Единъ Богъ безъ грѣха. Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? И праведникъ седмижды въ день согрѣшаетъ; но прегрѣшеніе невольное кающемуся отпускается, а грѣшникъ закоснѣлый—чорту баранъ. Давидски согрѣшаемъ, да не Давидски каемся; хотя и первый человѣкъ грѣха не миновалъ, и послѣдній не избудетъ его, но одинаково уготовано всякому и спасеніе и кара кромѣшная, не столько по грѣхамъ его, сколько по скорому и чистому раскаянію.

О томъ, кто и кается, да хапжитъ, кается

думая обмануть и людей и Бога, говорятъ: укравъ Часословъ, да услыши, Господи, молитву мою! Согрѣшающихъ мы видимъ—а о кающихся Богъ вѣсть; чужая душа потемки. Но милость надъ грѣхомъ властна, какъ вода надъ огнемъ; властна, разумѣется, коли есть кайка, есть признаніе. Тогда то говорится, что повинную голову и мечь не сѣчетъ; гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. А коли повинился и прощенъ, такъ помни: каяться кайся, да опять за тоже не принимайся, не говори: прости, Господи, прошлые грѣхи—да и на предки тожъ,—чтобы не было и съ тобой, какъ было, сказываютъ, съ дятломъ: какъ свѣтъ, такъ онъ принимается стучать носомъ по пнямъ и дупламъ—къ вечеру головушку разломитъ, а онъ покается и зарокъ положитъ: больше не стану; а какъ утро настало — такъ опять за тоже!

Виноватъ, да повиненъ—ни людямъ, ни Богу не противенъ; кто самъ себя называетъ должникомъ, тотъ хочетъ заплатить долгъ. Виноватый въ винѣ, правый въ правдѣ—а всякому грѣху покаяніе, держи голову уклонну, а сердце покорно; бей челомъ ниже: до Неба высоко, до земли ближе!

ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

Въ Турецкую войну нашу 1769 года, Государыня Императрица Екатерина II повелѣла готовиться Балтійскому флоту въ походъ, въ Средиземное море, чтобы побезпокоить Турокъ съ того конца, гдѣ они Русскихъ не ожидали. Изготовлено было 7 кораблей, 1 фрегатъ, 1 бомбардирское судно, 6 транспортныхъ судовъ и начальство надъ ними поручено Адмиралу Спиридову. 17 Іюля Государыня Сама посѣтила флотъ на Кронштатскомъ рейдѣ и благословила Адмирала орденомъ Св. Александра Невскаго. На другой день флотъ снялся, имѣя 8 рот пѣхотныхъ солдатъ и 2 роты артиллеріи, для десанта.

Послѣ разныхъ похожденій, при которыхъ нѣкоторые корабли отстали, другіе зашли въ иностранные порты, одинъ транспортъ разбился въ Категатѣ, а одинъ корабль и вовсе покинутъ былъ въ Англіи, флотъ нашъ собрался къ зимѣ въ Средиземномъ морѣ. Приданъ былъ еще Контръ-Адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя кораблями, двумя фрегатами и нѣсколькими транспортами, а главное начальство на морѣ и на сушѣ принялъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ

Орловъ. Всю зиму флотъ занятъ былъ блокированіемъ или занятіемъ Турецкихъ городовъ и крѣпостей, то высадкой, то сборомъ тутъ и тамъ войска, въ подкрѣпленіе Грекамъ; но по безтолочи ихъ, своевольству, непривычкѣ къ порядку и послушанію, всѣ попытки, ихъ, даже при нашей помощи, были довольно неудачны. Весной 1770 года Турецкій флотъ вышелъ изъ Цареградскаго пролива и черезъ Дарданелы; тогда флотъ нашъ всѣми силами пустился на поискъ за нимъ.

Контръ-Адмиралъ Эльфинстонъ, съ тремя кораблями и фрегатомъ, первый открылъ, въ половинѣ Мая, непріятеля, за мысомъ Св. Ангела, на самой южной оконечности Турецкаго полуострова Морея. Адмиралъ спустился на Турецкій флотъ, не смотря на слабость свою, и завязалъ было сраженіе; но Турки уклонились и при затиши успѣли уйти буксиромъ въ заливъ Навплію.

На другой день подулъ намъ противный вѣтеръ; эскадра гнала къ вѣтру подо всѣми парусами и пашла Турокъ на якорѣ, подъ крѣпостными пушками Навплін. Наши открыли огонь, но опять заштилѣло; теченіемъ понесло корабли наши въ бухту, почему они вынуждены были бросить якорь, стать на шпрынгъ,

чтобы поворотиться лагомъ къ непріятелю, и продолжали сражаться; но къ вечеру вышли опять изъ бухты, при чемъ корабль Саратовъ, зашедшій слишкомъ глубоко, насилу выведенъ былъ гребными судами.

1889 г.

Видя, что съ такими неравными силами нельзя атаковать непріятеля подъ крѣпостью, Адмиралъ отошелъ отъ бухты, выжидая выхода его въ море. Въ тоже время послалъ онъ Греческое судно въ Наваринъ, гдѣ графъ Ѳ. Г. Орловъ занятъ былъ другими военными распоряженіями, извѣстить его, что Турецкій флотъ отыскант. 22-го Мая Графъ Ѳ. Г. Орловъ съ флотомъ соединился съ эскадрою Эльфинстона у острова Цериго; 24-го въ полдень, при южномъ вѣтрѣ, открылся непріятельскій флотъ, на якорѣ при островѣ Спеціи. Поднятъ былъ сигналъ общей погони.

Турки спѣшно обрубили канаты, вступили подъ паруса и легли бейдевиндъ, на востокъ. Русскіе быстро на нихъ спускались. Южный вѣтеръ свѣжѣлъ; корабли Эльфинстона выбѣжали впередъ; къ 6-ти часамъ, когда вѣтеръ опять затихалъ, корабли Саратовъ и Нетронь-Меня открыли пальбу. Турки опять обрадовались затиши и отбуксировали корабли свои гребными судами внѣ выстрѣла.

На разсвѣтѣ 25-го подулъ слабый N; Турецкій флотъ былъ миляхъ въ четырехъ, на вѣтрѣ; погоня возобновилась, но безуспѣшно: при маловѣтріи во всѣ слѣдующіе дни, Турецкій флотъ ушелъ изъ виду и скрылся за островами.

Адмиралы Спиридовъ и Эльфинстонъ раздѣлились, частію для наливки водой, въ которой терпѣли нужду. Затѣмъ, оба отправились къ острову Церигo, за Главнокомандующимъ, Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, подъ начальствомъ коего они желали атаковать Турковъ.

11-го Іюня Графъ Орловъ соединился съ флотомъ, у острова Спеція; затѣмъ нѣкоторые корабли опять наливались водой, а 19-го флотъ направился къ острову Хіосу, отыскивать непріятеля и отрѣзать ему путь домой. Но опять маловѣтріе удерживало флотъ нашъ; наконецъ 23-го Іюня подулъ свѣжій SW и въ тоже время Грекъ привезъ вѣсть, что Турки стоятъ между Хіоса и Азіатскаго материка, Анатоліею.

Флотъ нашъ пустился туда подо-всѣми парусами. Командоръ Грейгъ, высланный впередъ на кораблѣ Ростиславѣ, съ двумя малыми фрегатами, для опознанія непріятеля, въ 4 часа по полудни увидѣлъ весь Турецкій флотъ, становившійся на якорь подъ Анатольскимъ бере-

гомъ. Командоръ Грейгъ поднялъ сигналъ: «вижу непріятеля»; Графъ Орловъ поднялъ другой: «всему флоту спуститься къ Ростиславу». Ночь заставила флотъ нашъ привести къ вѣтру; но непріятеля прижали къ берегу.

На разсвѣтѣ, въ 4 часа, Главнокомандующій поднялъ сигналъ общей погони. Весь флотъ спустился въ кильватеръ ему; въ 6 часовъ, при входѣ въ проливъ, между островомъ Хіосомъ и матерымъ берегомъ, увидѣли непріятеля въ лѣвой рукѣ, подъ берегомъ этимъ, на якорѣ, въ двѣ линіи. Въ половинѣ 9-го въ двухъ миляхъ отъ непріятеля, нашему флоту велѣно строиться въ боевой порядокъ, причемъ Адмиралъ Спиридовъ начальствовалъ авангардомъ, Графъ Орловъ кор-де-баталіею, а Адмиралъ Эльфинстонъ аріергардомъ. Въ одиннадцатомъ часу вся линія наша стянулась и состояла въ эту замѣчательную битву изъ слѣдующихъ судовъ:

АВАНГАРДЪ

Адмиралъ Спиридовъ.

Фрегаты:		*Корабли:*	*Командиры:*
Св. Николай. .	66-п.	Св. Евстафій . .	Кап. Крюйсъ.
			Адм. Спиридовъ.
Бомб. корабль. .	66	— Св. Януарій . .	Кап. Борисовъ.
Почтальонъ. . .	66	— Три-Святителя.	— Рокебургъ.

КОРДЕБАТАЛІЯ

Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Главнокомъ.

Фрегаты:		*Корабли:*	*Командиры:*
Цапцнъ.	66-п.	Три-Іерарха. . .	Бригадиръ Грейгъ.
			Главн. Гр. Орловъ.
	66 —	Ростиславъ. . . .	Кап. Лупандинъ.
	66 —	Нетронь Меня .	— Безенцовъ.

АРІЕРГАРДЪ

Контръ-Адмиралъ Эльфинстонъ.

		Корабли:	*Командиры:*
Надежда.	66-п.	Европа.	Кап. Клокачевъ.
Африка.	80 —	Святославъ. . . .	— Баржъ.
Мелкія грече-			К.-Ад. Эльфинстонъ.
скія суда.	66 —	Саратовъ.	Кап. Хметевскій.

У Турокъ въ первой линіи стояло *десять* семи и осьми-десятныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ 96-ти и одинъ 100 пушечный; во второй 7 кораблей, 4 фрегата. Турки стояли хорошо: разстояніе между кораблями одной линіи было немного болѣе двойной длины судна; корабли поставлены на шпринги, чтобы ихъ не заворотило при перемѣнѣ вѣтра; суда второй линіи поставлены противу промежутковъ первой; вся линія стояла малымъ погибомъ, дугой, со впадиною по срединѣ; отъ берега бы-

ли опи не далѣе полумили; правый флангъ примыкалъ къ низменному острову, лѣвый къ Чесменской губѣ. Гребныя суда, баркасы и галеры держались на веслахъ между флотомъ и берегомъ, гдѣ расположенъ былъ станъ сухопутнаго войска.

Въ 11 часовъ данъ былъ сигналъ: «спуститься на непріятеля». Адмиралъ Спиридовъ съ авангардомъ тотчасъ началъ спускаться; а за нимъ въ кильватерѣ прочіе. Въ исходѣ 12-го передовой корабль, Европа, подошелъ на выстрѣлъ и непріятель открылъ сильный огонь, со всѣхъ кораблей: но наши молчали, и подошедши на пистолетный выстрѣлъ, вдругъ стали приводить вдоль непріятельской линіи, осыпая ее ядрами. Такъ дѣлали и всѣ прочіе корабли наши, оборачиваясь лагомъ противъ Турокъ. Въ половинѣ перваго всѣ корабли уже вступили въ жаркое дѣло.

Скажемъ теперь слово о нѣкоторыхъ корабляхъ нашихъ порознь.

Авангардъ и кордебаталія въ особенности смѣло напирали. Корабль Европа, подойдя вплоть, привелъ и положилъ марсель на стеньгу; но когда, слѣдовавшій за нимъ Евстафій, сталъ напирать, то Европа долженъ былъ уступить ему мѣсто, наполнилъ марсель и вышелъ впередъ

крайняго, навѣтреннаго непріятельскаго корабля, затѣмъ онъ поворотилъ на другой галсъ, спустился и занявъ мѣсто позади Ростислава, вступилъ опять въ самый жаркій бой.

Евстафій, при быстрой и мѣткой пальбѣ, въ свою очередь также вышелъ впередъ тѣмъ же путемъ, также хотѣлъ поворотить, но по сильнымъ поврежденіямъ въ рангоутѣ не успѣлъ въ этомъ, увалился подъ вѣтеръ и навалилъ на передовой Турецкій корабль (Реалъ-Мустафа). При самой свалкѣ пушечный и ружейный огонь не умолкалъ: Турки стали бросаться за бортъ и достигать вплавь берега; но Мустафа загорѣлся, пламя пошло по снастямъ и парусамъ и перешло на Евстафій. На немъ былъ Адмиралъ Спиридовъ и Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, родной братъ Главнокомандующаго; они едва успѣли спастись на шлюбкѣ, какъ горящая гротъ-мачта упала на Евстафій, и этотъ взлетѣлъ на воздухъ. Это сдѣлалось такъ скоро, что шлюбки со всего флота, посланныя тотчасъ на помощь Евстафію, опоздали и успѣли только снять Капитана Крюйса и двухъ человѣкъ съ остова взорваннаго корабля.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не зналъ о спасеніи брата своего, до конца сраженія: онъ считалъ его погибшимъ.

1882 г.

Три-Святителя, за Евстафіемъ, легъ бортъ-о-бортъ съ непріятелемъ и громилъ его ядрами. Увидѣвъ участь Евстафія и разсудивъ, что держа марсель на стеньгѣ и потерявъ ходъ, также поворотить противъ вѣтра не сможетъ, рѣшился поворотить черезъ фордевиндъ, для чего и долженъ былъ прорѣзать непріятельскую линію: при этомъ онъ утлегеремъ своимъ снялъ флагштокъ у одного изъ Турецкихъ кораблей, прошелъ между обѣихъ линій непріятельскихъ и осыпая ихъ ядрами, вправо и влѣво, благополучно поворотилъ и вышелъ на просторъ.

За нимъ шелъ Св. Януарій: онъ стрѣлялъ залпами, проходя мимо, по каждому кораблю и не потерявъ ходу, когда шедшій передъ нимъ Три-Святителя долженъ былъ спуститься, поворотилъ противъ вѣтра на другой галсъ.

За Януаріемъ шелъ Три-Іерарха: чтобы не упасть на непріятеля, онъ бросилъ якорь противъ Турецкаго флагмана, и отнесъ корму на шпринтѣ. Онъ до того одолѣлъ Капитана Пашу страшнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что тотъ, обрубивъ канатъ, бросился на берегъ: но въ торопяхъ и въ страхѣ, онъ позабылъ обрубить кормовой шпрингъ свой; по этому корабль уклонился носомъ къ берегу, а

кормой сталъ противу борта Трехъ-Іерарховъ; съ четверть часа этотъ громилъ его продольными выстрѣлами и разбилъ въ пухъ.

За Флагманомъ слѣдовалъ Ростиславъ: онъ также положилъ марсель на стеньгу и оставаясь на одномъ мѣстѣ осыпалъ непріятеля ядрами. За нимъ слѣдовали уже три аріергардные корабля, которые также сдѣлали свое, но не подходили на такое близкое растояніе къ непріятелю, какъ первые шесть кораблей, и были менѣе въ дѣлѣ.

Покуда оба Флота были въ этомъ тѣсномъ и жестокомъ бою, гдѣ каждое ядро пробивало оба борта на вылетъ,—а Св. Евстафіи, наваливъ на навѣтренный непріятельскій Флагманскій корабль, взялъ его абордажемъ, причемъ самъ Адмиралъ Турецкій, Гасанъ-Бей, былъ раненъ, бросился за бортъ и едва былъ спасенъ Турецкою шлюпкой, а вслѣдъ затѣмъ Евстафіи вмѣстѣ съ непріятелемъ загорѣлся,—Турецкіе корабли, будучи всѣ подъ вѣтромъ, стали думать только о своемъ спасеніи: всѣ они стали рубить канаты, ставить паруса и уходить безъ оглядки въ Чесменскую бухту. Страхъ обнялъ ихъ, чтобы горящіе корабли съ навѣтру на нихъ не навалили.

Какъ только Турки пошли на побѣгъ, то

Главнокомандующій, обрубивъ и самъ канатъ на Трехъ-Іерархахъ, поднялъ сигналъ: «гнаться за непріятелемъ» — и Турецкій флотъ въ такой тревогѣ и безпорядкѣ тискался въ бухту, что корабли давили и ломали другъ друга.

У насъ не было брандеровъ, которые бы легко было пустить на непріятеля, бывшаго въ такомъ разстройствѣ; Графъ Орловъ велѣлъ всѣмъ кораблямъ бросить якоря, а самъ сталъ у самаго входа въ бухту, на пушечный выстрѣлъ отъ непріятельскаго флота. Графъ Алексѣй Григорьевичъ тотчасъ послалъ въ самую бухту Командора Грейга, на бомбардирскомъ суднѣ Громъ, чтобы въ неурядицу эту бросать бомбы и каркасы; въ тоже время приказалъ онъ снарядить брандерами четыре греческія судна, бывшія при флотѣ. Это поручено было Бригадиру Гашибалу.

Все замѣчательное дѣло это (24-го Іюня), за которымъ слѣдовало, какъ мы увидимъ, еще славнѣйшее, длилось не болѣе какъ полтора часа. Въ два часа пополудни Турки уже стояли въ бухтѣ. Мы потеряли, конечно, много; на одномъ только погибшемъ Евстафіѣ: офицеровъ, морскихъ и сухопутныхъ 35, нижнихъ чиновъ 473. На прочихъ корабляхъ, всего 13 убитыхъ и около 25 раненыхъ. Турки стрѣляли такъ

безтолково, что всѣ ядра шли черезъ верхъ и одно только шальное ядро попадало въ корпусъ. На Флагмановомъ кораблѣ избиты были всѣ три мачты, бушпритъ, реи; но этимъ Турки, конечно, не могли унять пальбы нашего Флота. О потерѣ у Турокъ, ничего даже близкаго къ дѣлу не знаемъ; но она, какъ видно по всему, была очень велика.

До самой ночи корабли наши чинились и снаряжали брандеры; во все время это Громъ бросалъ снаряды свои на Турецкій Флотъ, безпокоилъ его и держалъ въ страхѣ. Онъ уже и не смѣлъ болѣе отстрѣливаться. Брандеры, подъ надзоромъ Бригадира Гашибала, поспѣли только на другой день (25-го Іюня) къ вечеру.

Между тѣмъ Турки также чинились и строили на берегу батареи; шесть большихъ кораблей поставили они поперегъ, противъ входа въ бухту; остальные по бокамъ и за первыми, противу промежутковъ. Въ этомъ положеніи ожидали они нашего нападенія; уйти имъ было некуда. Вѣтеръ дулъ NW, намъ попутный въ бухту, которая была биткомъ набита Турецкими кораблями, транспортами, гребными галерами и даже купцами; при самомъ же входѣ въ бухту можно было стать не болѣе какъ тремъ кораблямъ въ рядъ.

По всему этому назначены были для приступа четыре корабля: Ростиславъ—командиръ Лупандинъ; Европа—командиръ Клокачевъ; Нетронь-Меня—командиръ Безенцовъ; Саратовъ—командиръ Хметевскій; два фрегата: Надежда—командиръ Степановъ; Африка—ком. Клеопинъ; затѣмъ бомбардирное судно и четыре брандера. Начальство надъ отрядомъ поручено Командору С. К. Грейгу и ему приказано: войти лунною ночью съ эскадрою въ Чесменскую бухту, поставить суда какъ можно ближе къ непріятельскимъ, разгромить ихъ пушками и сжечь брандерами. Командирами брандеровъ назначены были охотники: Капит.-лейт. Дугдаль, Лейтенанты Мекензи и Ильинъ и Мичм. Князь Гагаринъ.

Въ 11 часовъ ночи 25-го Іюня Командоръ Грейгъ поднялъ фонарь на гафелѣ, чтобы не встревожить непріятеля выстрѣлами; это былъ условленный сигналъ «сняться съ якоря». Корабли эскадры, идущей въ дѣло, отвѣтили фонаремъ на кормовомъ флагштокѣ: «готовы». Командоръ поднялъ три фонаря: «итти на непріятеля».

Европа въ полночь бросилъ якорь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Турокъ, они открыли по немъ съ кораблей и съ береговыхъ батарей сильный огонь; онъ сталъ на шпрингъ и от-

стрѣливался въ запуски отъ кораблей и отъ батарей. Вскорѣ подоспѣлъ Командоръ и бросилъ якорь съ Ростислава по самой срединѣ бухты, въ полукабельтовѣ отъ Европы, оставивъ его вправѣ. Нетронь-Меня въ тоже время бросилъ якорь лѣвѣе Ростислава, въ полукабельтовѣ отъ него. Фрегаты стали еще лѣвѣе, противу береговыхъ батарей.

Часъ съ четвертью длилась страшная пальба, отъ которой земля и море стонали. Тогда каркасъ или зажигательное ядро, брошенное съ бомбардирнаго судна, упалъ въ рубашку гротъ-марселя Турецкаго корабля; парусъ былъ изъ бумажной парусины, сухой какъ порохъ; пламя обняло его мигомъ и перегорѣвшая гротъ-стеньга упала на палубу и обдала огнемъ весь корабль. Страхъ обнялъ Турокъ и Командоръ, не упуская времени, подалъ сигналъ брандеромъ: «Спуститься на непріятеля и сцѣпившись съ нимъ зажечь ихъ.»

Капитанъ-лейтенантъ Дудгаль, на передовомъ брандерѣ, поставилъ всѣ паруса, прошелъ мимо Командора, но тутъ встрѣтилъ двѣ гребныя Турецкія галеры, которыя видно стерегли его и кинулись на абордажъ; онъ зажегъ брандеръ, бросился за бортъ и выплылъ на свою шлюпку, которая отдала бакштовъ при

самомъ нападеніи галеръ и далеко отстала. Но Турки пустили брандеръ ко дну.

Лейтенантъ Мекензи подошелъ очень близко къ непріятелю и зажегъ свой брандеръ: но въ это время пожаръ съ горѣвшаго Турецкаго корабля перешелъ уже подъ вѣтеръ на три другихъ, а съ этихъ стало осыпать головнями сосѣдей и едвали не половина Турецкаго флота стояла уже въ огнѣ, и брандеръ Мекензи навалилъ на горѣвшій корабль.

Когда затѣмъ третій брандеръ, Лейтенанта Ильина, проходилъ мимо Командора, то этотъ закричалъ ему: не зажигать брандера, не сцѣпившись напередъ съ однимъ изъ кораблей, бывшихъ у Турецкаго флота на вѣтрѣ; потому что подвѣтренные уже сами собой загорались. Ильинъ исполнилъ это: сошелся бортъ о бортъ, зажегъ брандеръ, бросилъ брандскугель на непріятельскій корабль и самъ кинулся въ шлюпку.

Мичманъ Князь Гагаринъ подошелъ на четвертомъ брандерѣ: но какъ уже большая часть Турецкаго флота, въ тѣснотѣ этой, стояла въ огнѣ, то и онъ попалъ на горѣвшій корабль. Такимъ образомъ одинъ только брандеръ Ильина могъ исполнить дѣло свое удачно; отъ брандера Ильина загорѣлась вся навѣтренная часть Турецкаго флота.

Вмѣстѣ со спускомъ брандеровъ, корабли наши перестали стрѣлять, но какъ затѣмъ нѣсколько навѣтренныхъ (отъ своего Флота) Турецкихъ кораблей не загорались и продолжали пальбу, то Командоръ также открылъ опять по нимъ огонь.

Къ тремъ часамъ ночи вся бухта стояла въ страшномъ огнѣ. Турки замолкли и были заняты только своимъ спасеніемъ: гребныя суда ихъ тонули или опрокидывались отъ множества народу, который бросался въ нихъ толпой; цѣлыя команды, обезпамятѣвъ, кидались въ воду, прыгая съ корабля другъ на друга и затопляя десятки и сотни людей; вся бухта, среди тѣсноты и множества объятыхъ пламенемъ судовъ, покрылась несчастными, которые, спасаясь, топили одинъ другаго. Не многіе изъ нихъ добились до берега. Командоръ отъ жалости къ нимъ приказалъ остановить пальбу. На Турокъ нагнали такого страху, что они не только бросали на произволъ судьбы не загорѣвшіеся еще корабли свои, но даже бѣжали изъ крѣпости и города Чесмы, откуда жители ушли еще прежде.

Приказавъ прочимъ кораблямъ отойти немного, для безопасности, отъ пожарища, Ростиславъ остался наблюдать за развязкой. На

кораблѣ этомъ перекрѣпили паруса потуже, чтобы искра не могла завалиться, и обливали ихъ и весь такелажъ изъ пожарныхъ трубъ, а палубы и борты ведрами.

Гребныя суда посланы были, чтобы постараться выбуксировать одинъ изъ двухъ не загорѣвшихъ еще Турецкихъ кораблей. Ближайшіе корабли уже взрывало одинъ за другимъ на воздухъ; не смотря на это, посланные два офицера исполнили порученіе, но одинъ изъ кораблей этихъ загорѣлся уже на буксирѣ, отъ близкаго взрыва, и былъ брошенъ; другой, Родосъ, благополучно выведенъ къ флоту. На свѣту взяты были также брошенные Турками галеры и баркасы. Затѣмъ въ бухтѣ не осталось, не только ни одного корабля, но даже шлюпки, которая бы не сгорѣла или не была выведена къ эскадрѣ.

Командоръ вышелъ изъ бухты, отсалютовалъ флагману и отправился къ нему съ отчетомъ: нашъ уронъ былъ ничтожный; на Европѣ убито 8, на Нетронь-Меня 3; Ростиславъ опять потерпѣлъ только въ такелажѣ. Турки потеряли болѣе 10 тысячъ человѣкъ; взрывы продолжались до 9 часовъ утра. На всемъ флотѣ нашемъ служили благодарственный молебенъ, для чего командиры собраны были у Главнокоман-

дующаго. Послѣ обѣда Графъ Алексѣй Григорьевичъ поѣхалъ осматривать побоище и нашедши нѣсколькихъ раненыхъ и тонущихъ Турокъ, приказалъ подать имъ помощь. Мѣдныя пушки съ батареи и частію съ затонувшихъ кораблей были взяты. Князь Юрій Долгорукій, поѣхавшій съ Графомъ Орловымъ, говоритъ въ запискахъ своихъ:

«Вода въ бухтѣ помутилась отъ крови и золы съ угольемъ; трупы Турокъ запрудили проѣздъ на шлюпкахъ».

Чесменская побѣда одна изъ самыхъ полныхъ и знаменитыхъ, какія были одержаны когда либо на морѣ. Кромѣ 17 кораблей и шести фрегатовъ, погибло въ дѣлѣ этомъ большое число всякаго рода Турецкихъ судовъ: шебекъ, бригантинъ, полугалеръ, галеръ, фелюкъ, всего близко сотни. Мы промѣняли Евстафій на Родосъ и помянули вѣчною памятью храбрыхъ офицеровъ и команду перваго, погибшихъ со славою. Въ наши времена выстроенъ былъ корабль Память Евстафія.

ПАШИНСКІЙ СУДЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Турецкій фрегатъ разбился у береговъ Греческаго острова Самоса. Паша заставилъ жителей заплатить всѣ убытки, за погибшій фрегатъ, потому, какъ объяснилъ онъ имъ, что еслибы-де вашего острова не было здѣсь, то фрегатъ не наткнулся бы на него, а прошолъ бы благополучно. За это и платите убытки.

КРУГЪ.

Погонной мѣрой немудрено смѣрять растояніе или величину, по прямой линѣйкѣ; а какъ смѣрять кругъ, вотъ хоть бы обручъ, или окружность фуражки? Развѣ смѣрять ниткой, да вытянувъ прикинуть ее на аршинъ; а иначе дугу не смѣряешь; всякая погонная мѣра будетъ не дуга, а подтяжка.

Перерѣжь поперечникомъ кругъ пополамъ, да перерѣжь еще другой кругъ по меньше перваго: и тутъ полъ-круга, и тамъ полъ-круга—а одинъ большой, другой малый; какъ ихъ смѣряешь?

Тоже и четверть-круга; возми кругъ въ аршинъ поперечника, другой въ полъ-аршина, третій въ вершокъ: разсѣки ихъ на-четверо; и одинъ, и другой, и третій будетъ четверть круга — а мѣра не одна.

Поэтому кругъ мѣряютъ не по дугѣ, а по поперечнику; говорятъ: кругъ въ поперечникѣ столькихъ-то аршинъ или вершковъ, или футовъ. А чтобы смѣрять дугу, или часть круга, такъ для этого придумали вотъ что: положили дѣлить всю окружность всякаго круга, и большаго и малаго, на 360 частей (градусовъ), стало быть каждую четверть круга на 90. Вмѣсто того, чтобы мѣрять погонной мѣрой, которая и не покажетъ намъ великъ-ли погибъ, мѣряютъ этими градусами: 90 градусовъ—значитъ четверть круга; 45 градусовъ—осьмушка, и такъ далѣе.

Теперь перейдемъ къ измѣренію угловъ.

Всякій знаетъ, что такое уголъ: гдѣ двѣ прямыя черты перерѣжутся, скрестятся, сойдутся, тамъ и уголъ. Чѣмъ шире развести врозь черты эти—тѣмъ уголъ больше; чѣмъ ближе привести одну къ другой—тѣмъ уголъ меньше. Если одна на другую пала отвѣсомъ, то выйдетъ уголъ прямой; если скосить отвѣсъ, то по ту сторону, куда погнешь его сверху, выйдетъ

детъ уголъ острый; по другую сторону тупой. Попробуй это хоть на портняжныхъ ножницахъ.

Но какъ смѣрять уголъ и пересказать мѣру эту словами? Боковъ его, черты, нечего мѣрять: будь они длинны, будь коротки—уголъ, какъ есть, таковъ и будетъ; ни больше, ни меньше. А вотъ тутъ-то и пригодилась намъ дуга, которую мѣряютъ градусами, то есть, мѣряютъ такъ, что въ четверти круга всегда 90 градусовъ, хоть будь она отъ большаго, хоть отъ малаго круга: возми циркуль, наставь его на самую вершинку угла, гдѣ черты стыкаются, да и начерти имъ кругъ: сколько его придется между боками (чертами) угла, на градусы, столько мѣрою будетъ уголъ. Черти хоть большой кругъ, хоть средній, хоть малый—мѣра угла все одна.

Поэтому градусъ, для мѣры дуги или угла, на погонную мѣру прикидывать нельзя. Во всякомъ кругѣ считай 360 градусовъ и въ томъ, который умомъ вкругъ земли обведешь, и въ томъ, который лежитъ по краю твоей пуговицы.

1882 г.

БѢДСТВІЕ КОРАБЛЯ НАСЛѢДНИКЪ-АЛЕКСАНДРЪ.

16-го Сентября 1842 года баркъ Русско-Американской Компаніи, Наслѣдникъ, подъ командоіі Капитанъ-Лейтенанта Кадникова, вышелъ изъ порта Св. Франциска, на берегу Калифорніи (Америки), и пустился къ Ново-Архангельску (на островѣ Ситхѣ, у сѣверноі же Америки, болѣе на сѣверъ).

Двѣнадцать дней штили и маловѣтріе мало подвигали его; 27-го Сентября яркая заря на Востокѣ предвѣщала бурю; багровое солнце, какъ каленое ядро, вышло изъ-за мглы; тихо подулъ попутный SO, но скоро сталъ свѣжѣть. Въ 10 часовъ закрѣпили брамсели и гротъ, въ 11 взяли по два рифа у марселеі, въ 12 остались подъ фокомъ и зарифленнымъ гротъ-марселемъ. Въ два часа дулъ жестокіі штормъ съ ливнемъ. Баркъ мчался на фордевиндъ по 12 узловъ. Огромные валы обдавали его пѣноі.

Вечеромъ, Капитанъ думалъ привести къ вѣтру, для чего и подготовили зарифленную бизань. Командиръ безотлучно былъ на верху, промокъ до костеі и готовясь самъ стоять всю

ночь на вахтѣ, сошелъ только переодѣться. Остался опытный штурманъ Красильниковъ.

Но судьба какъ будто только этого и ждала: не успѣлъ Капитанъ спуститься, какъ рулевой прозѣвалъ и судно не много рыскнуло: огромный валъ ударилъ съ права въ корму и поворотилъ его къ вѣтру; другой валъ накатилъ на него горою: оно ужъ стояло бокомъ. Трескъ и гулъ, стонъ и дрожь пробѣжали по всѣмъ его составамъ. Все что было на шканцахъ снесло за бортъ; рубки, штурвалъ, нактоузъ, всѣ шлюпки, гикъ и гафель съ бизанью, люки—и туда же снесло Красильникова, обоихъ рулевыхъ и еще двухъ матросовъ!

Безъ управляющаго вахтой и безъ рулевыхъ, судно стояло поперегъ страшнаго волненія, которое его заливало. Боцманъ съ матросами бросились на фока-гитовы, но фокъ и гротъ-марсель вырвало вонъ и унесло. Вода лилась въ люки и уже до половины затопила палубу; судно легло на лѣвый бокъ, такъ что всѣмъ бортомъ лежало въ водѣ; всѣ огни погасли, темная ночь накрыла бѣдствующихъ.

Боцманъ Бравченко, плавая и держась за снасти, кричалъ: пошелъ всѣ на верхъ! Но и въ палубѣ тонули и не знали какъ вылѣзть; всѣ трапы сорвало: бочки, доски, люки, трапы,

сундуки, обломки перегородокъ носились въ палубѣ при жестокой качкѣ, били и колотили во всѣ стороны, люди плавали, цѣплялись за что ни-попало къ навѣтренному борту, хватаясь другъ за друга и обрываясь.

Командиръ бросился на верхъ при первомъ ударѣ волны: но вторая встрѣтила его въ дверяхъ каюты, отбросила назадъ, изломавъ перегородки, и онъ плавалъ, среди обломковъ этихъ, столовъ и стульевъ, и при каждомъ ударѣ волны его бросало качкой изъ угла въ уголъ, било о бортъ и било досками и мебелью. Онъ не потерялся однакоже ни на минуту; во все время кричалъ онъ: «Красильниковъ, что вы дѣлаете! Держите на румбѣ!» Но Красильникова уже не было и рулевыхъ также. Командиръ отдавалъ нужныя приказанія—но исполнять ихъ было некому и голосъ его заглушался ревомъ бури.

Наконецъ, къ счастію, волненьемъ выбило подвѣтренные порты и вода могла стекать; судно стало попрямѣе. Коммиссіонеръ Черныхъ, залитый вмѣстѣ съ капитаномъ и подкинутый къ открытому люку, ухватился за клокъ висѣвшаго паруса и былъ вытащенъ на верхъ. Подвахтенные кой-какъ также стали вылѣзать и выплывать на верхъ; другой штурманъ, Ар-

химандритовъ, также затопленъ былъ въ каютѣ и ухватившись за гвоздь въ бимсѣ, висѣлъ на рукахъ. Онъ слышалъ изъ каюты своей голосъ Капитана, команду его, слышалъ какъ онъ уговаривалъ коммиссіонера Черныхъ: «не бойся, хватайся, держись!» Онъ слышалъ также отвѣтъ со шканецъ, на зовъ Капитана, что Красильникова снесло за бортъ. Услышавъ все это, штурманъ еще съ большею силой сталъ выбиваться на верхъ. Онъ кричалъ мореходу Папельцову, котораго увидалъ уже у люка: «Осмотри руль, поставь бизань, гротъ-марсель, дай ходу!» Онъ не зналъ, что ни марселя, ни бизани не было.

Папельцовъ выбрался, кипулся къ рулю, нашелъ его въ исправности, поставилъ гротъ-трисель и велѣлъ закрывать люки парусами и кожами. Боцманъ кричалъ командѣ: «Братцы, не робѣть; Богъ не потопилъ насъ, а оплошаемъ—сами утонемъ: не подымайте рукъ на себя, къ работѣ!»

Избитый и израненый Архимандритовъ спасся въ это время изъ подпалубной пучины и принялъ отъ Папельцова команду. Всѣми силами старался онъ, призвавъ другихъ на помощь, спасти Капитана, котораго голосъ все еще былъ слышенъ—но голосъ этотъ не взы-

валъ о помощи, а распоряжался; все еще отдавалъ онъ приказанія, для спасенія судна;—матросы хватали Командира, черезъ люкъ, за одежду—но страшными толчками качки его вырывало изъ рукъ и вскорѣ бѣдный Капитанъ, выбившись изъ силъ, замолкъ.

Архимандритовъ одержалъ руль и привелъ къ вѣтру; принялись отливать воду всѣмъ, чѣмъ можно было почерпнуть ее или загрести. Къ осьми часамъ отлили и выкачали воду; судно спасено.

Избитый трупъ Капитана нашли въ каютѣ и усердно оплакали. Въ слѣдующіе дни судно по немногу исправилось, а 4-го Октября пришло въ Ситху.

Архимандритова Царь наградилъ золотою медалью «За спасеніе погибавшихъ», для ношенія на шеѣ; трехъ лучшихъ матросовъ серебряною, для ношенія въ петлицѣ; компанія выдала отъ себя штурману 1000 руб. сер., Черныхъ 800 р., прикащику 500, Папельцову 300, четырнадцати матросамъ по 100 р., а прочимъ по 50 ; а сиротамъ погибшаго Капитана Кадникова и штурмана Красильникова назначила пенсію въ 900 и въ 400 р. асиги.

пѣсня.

Лейтенантскій деньщикъ сидѣлъ въ Севастополѣ за воротами, рядомъ съ сосѣдомъ своимъ, Грекомъ изъ мелочной лавочки. Грекъ затянулъ свою заунывную пѣсню—тянулъ, тянулъ и надоѣлъ товарищу, которому показалось, что Грекъ перенялъ пѣсню эту у сѣраго волка. Деньщикъ хотѣлъ было сказать ему: «да ну, брось, полно выть,» но взглянувъ на него увидѣлъ на диво, что Грекъ заливается горючими слезами.

Чего ты разрюмился, дуракъ?

Э, братецъ, ты ничего не понимаешь; это такая пѣсня, что ни одинъ Грекъ не можетъ пѣть не заплакавъ.

Какая жъ она такая? Ну-ка, переведи мнѣ!

Никакъ неможно, это очень мудрено, по русски нельзя сказать.

Какъ нельзя? Что ты городишь? Вѣдь чай не съ голосу рюмишь, а со словъ; ну говори мнѣ слова по русски!

Это, братецъ, вотъ что: это такая пѣсня, что всякъ кто поетъ, тотъ и плачетъ *за свуя утечества*. Это поютъ, что одна птица сидѣла, ну и полетѣла-далеко-далеко черезъ горы, че-

резъ море, черезъ лѣсъ, черезъ туманъ—ну и все летитъ, все летитъ, далеко летитъ, и опять еще дальше....

Ну, ну, летитъ, слышу—сказалъ тотъ—а тамъ что?

Ну, продолжалъ Грекъ съ жалостной улыбкой, а тамъ и сѣла.

Ну сѣла, да дальше что?

Дальше ничего; только.

Такъ чтожъ въ этой пѣснѣ? Спросилъ матросъ расмѣявшись? О чемъ же тутъ рюмить-то?

Э, сказалъ Грекъ, покачавъ головой: я тебѣ говорилъ; по русски ничего, а по гречески очень жалко.

МАТКА.

Говорить ли вамъ, братцы, о томъ, что земля наша кругла, почему она и называется Земнымъ Шаромъ? Думаю, что всякій матросъ слышалъ объ этомъ, а иной и видѣлъ.

Какъ-такъ видѣлъ?—Да вотъ какъ:

Не мудрено коли церковь, если глядишь на нее издали, уходитъ на половину въ землю: ее покрыло горой или пригоркомъ и низу неви-

дать. Но мудрено то, отчего на морѣ, гдѣ ни горъ, ни пригорковъ нѣтъ, рангоутъ корабля показывается тебѣ напередъ, а корпусъ бываетъ закрытъ; подойди ближе, и мало по малу откроется корпусъ. Отчегожъ это?—Оттого, что коли земли и воды въ рукахъ Божіихъ скатились шаромъ, то и море повсюду должно стоять горбомъ. Возми пушечное ядро, да разставь по немъ двѣ смоляныя пѣшки, да прогляди ихъ на глазъ; промежъ нихъ горбокъ, который закрываетъ одну пѣшку отъ другой.

А случалось ли тебѣ, стоя на бакѣ, да окидывая море глазомъ, вокругъ, гдѣ оно примыкаетъ къ небу,—случалось ли—призадуматься надъ тѣмъ, почему край моря всегда пролегаетъ кругомъ, ровно обручемъ? Коли нѣтъ, то стало быть ты глядѣлъ, да не видѣлъ, а дѣло такъ, какъ я говорю. Почему же ты завсегда видишь кругъ? Потому что земля кругла, какъ шаръ, такъ она кругла повсюду откуда ни гляди. Гдѣ ни стань пальцемъ на ядрѣ, а другимъ, какъ вилкой, обводи—вездѣ выйдетъ кругъ.

Кто слыхалъ про лунное затмѣніе? Чай многіе сами видали его—да можетъ-статься иной тоже глядѣлъ въ книгу, да видѣлъ фигу. Лунное затмѣніе—тѣнь земли на лунѣ, когда земля

наша придется прямо промежъ солнца и луны. Край тѣни этой всегда бываетъ круглый, а одинъ только шаръ или ядро бросаетъ всегда круглую тѣнь, какъ его ни поверни. Возми какую хочешь вещь, кромѣ ядра, да поставь отъ свѣту супротивъ стѣны и ворочай, тѣнь не будетъ кругла; а возми ядро—тѣнь всегда будетъ кругъ.

А кто изъ васъ хаживалъ въ дальніе походы, того ужъ нечего учить: обошедши землю вокругъ, да не споткнувшись нигдѣ на порогѣ, не видавъ ни граши, ни перевалу съ лица на изнанку, поневолѣ скажешь, что земля кругла.

Шаръ земной, пущенный изъ рукъ Создателя, несется покатомъ вкругъ солнца. Проткни яблоко на сквозь гвоздемъ, обороти его бокомъ къ свѣчѣ, которая будетъ солнцемъ, и оборачивай яблоко, повертывая гвоздь между пальцевъ все въ одну сторону: вотъ какъ бѣжитъ и оборачивается земля. Гвоздемъ земля не проткнута; но поперечникъ, на которомъ вертится она, называютъ *осью*; оба конца его—гдѣ воткнутъ и выткнутъ гвоздь—*полюсами*, а поясъ по самой срединѣ земли, по которому она будто катится—*равноденственнымъ кругомъ*.

Полюсы или два пупа земли всегда отворо-

1882 г.

чены отъ солнца, вверхъ и внизъ: по этому тамъ вѣчный холодъ. Равноденственный кругъ всегда стоитъ отвѣсно подъ солнцемъ, и это край самый знойный. Земля въ сутки оборачивается вкругъ оси своей, въ годъ обходитъ вкругъ солнца.

Безъ имени овца—баранъ; по этому пупъ или полюсъ, который ближе къ нашимъ мѣстамъ, назвали *сѣвернымъ*, и другой *южнымъ*. Стрѣлка матки или компаса, однимъ концомъ всегда указываетъ на Сѣверъ, другимъ на Югъ. Въ одной половинѣ Земнаго Шара, въ той гдѣ мы живемъ, на сѣверъ т. е. къ полюсу, холодъ, а на югъ, т. е. къ равноденственной полосѣ, жарко. По ту сторону полосы этой, на другомъ полушаріи, на оборотъ: тамъ холоднѣе у своего полюса, у южнаго; а оттуда на сѣверъ, значитъ ближе къ срединѣ, къ равноденственному кругу, жарче.

Растояніе мѣста отъ равноденственнаго круга (экватора), мѣряя на прямикъ къ полюсу, называется *широтою* мѣста, а разстояніе его поперегъ, мѣряя по экватору, отъ какого-нибудь другаго мѣста—*долготою*. Широта и долгота нужны, чтобы обозначить точку на шарѣ, гдѣ мѣсто это стоитъ. Такъ напримѣръ, широта полюса будетъ ровно четверть-круга,

а долготы не будетъ, ни какой. На экваторѣ, на оборотъ, по всему кругу, широты не будетъ никакой, потому что широту начинаютъ мѣрять и считать отъ самаго равноденственнаго круга (экватора); долгота же какого-нибудь мѣста на экваторѣ будетъ такая, на сколько мѣсто это удалено отъ той точки на экваторѣ, которую условились признавать началомъ этого счета.

Если бы провести по землѣ черту, отъ самого пупа, черезъ то мѣсто гдѣ мы стоимъ и до экватора, то эта черта называется *полуденникомъ* (или меридіаномъ). Полуденникъ онъ потому, что когда солнце стоитъ супротивъ этой черты, то у насъ бываетъ полдень. Выше полуденника солнце не подымается; оно, при оборотѣ земли, будто само вскатывается до полуденника, а тамъ опять скатывается ниже, къ заходу или западу.

Мы, на глыбѣ своей, на землѣ, оборачиваясь вокругъ, не видимъ этого, хоть и смотримъ; намъ показывается, будто солнце ходитъ вкругъ земли, будто оно всходитъ и заходитъ. Это все одно: хоть сову о пень, хоть пень объ сову. Ты ли понесешься на пароходѣ вдоль берега—берегъ ли побѣжалъ бы полосой мимо тебя—для глазъ одно.

Изъ этого видно, что Сѣверъ и Югъ не мудрено найти, потому что это концы оси, концы поперечника, вкругъ котораго земля вертится. Но гдѣ на землѣ Востокъ и Западъ? Сѣверъ и Югъ для всѣхъ одинъ; иди все на сѣверъ, и коли дошолъ бы за непроходимыми льдами, такъ могъ бы стать на самомъ полюсѣ и указать: вотъ гдѣ Сѣверъ. Тоже можно сказать о Югѣ. Но гдѣ Востокъ и гдѣ Западъ? Иди по экватору на востокъ, все на востокъ—и обойдешь вокругъ, придешь опять на старое мѣсто, а востока не увидишь. Это потому, что востокомъ называемъ мы не мѣсто на землѣ, а ту сторону, гдѣ восходитъ солнце—восходъ; западомъ же ту, гдѣ солнце западаетъ, заходитъ. На сколько ты пойдешь къ востоку, на столько онъ отъ тебя уходитъ; почему? Потому что земля кругла.

Вотъ вамъ и компасъ, который бѣломорцы наши зовутъ маткой: Сѣверъ (нордъ), Югъ (зюйдъ), Востокъ (остъ), Западъ (вестъ) извѣстны; но вѣтры дуютъ не съ четырехъ сторонъ, а со всѣхъ, откуда Богу угодно; плывемъ мы также не только на всѣ четыре стороны, а во всѣ, куда придется путь держать. По этому весь кругъ компаса раздѣлили на 32 части, по осьми въ каждой четверти, назвали

каждую черту *румбомъ*, дали ей кличку—и дѣло въ шапкѣ. Откудабъ вѣтеръ ни задувалъ, куда бы мы ни держали курсъ, всегда можно назвать сторону эту своимъ именемъ.

Осталось одно: начертить компасъ на бумагѣ, написать на немъ всѣ 32 румба, да заучить ихъ. Безъ этого матросъ не матросъ.